А. ОСОРГИНА

Пушкин
и его творчество

YMCA-PRESS
ПАРИЖ

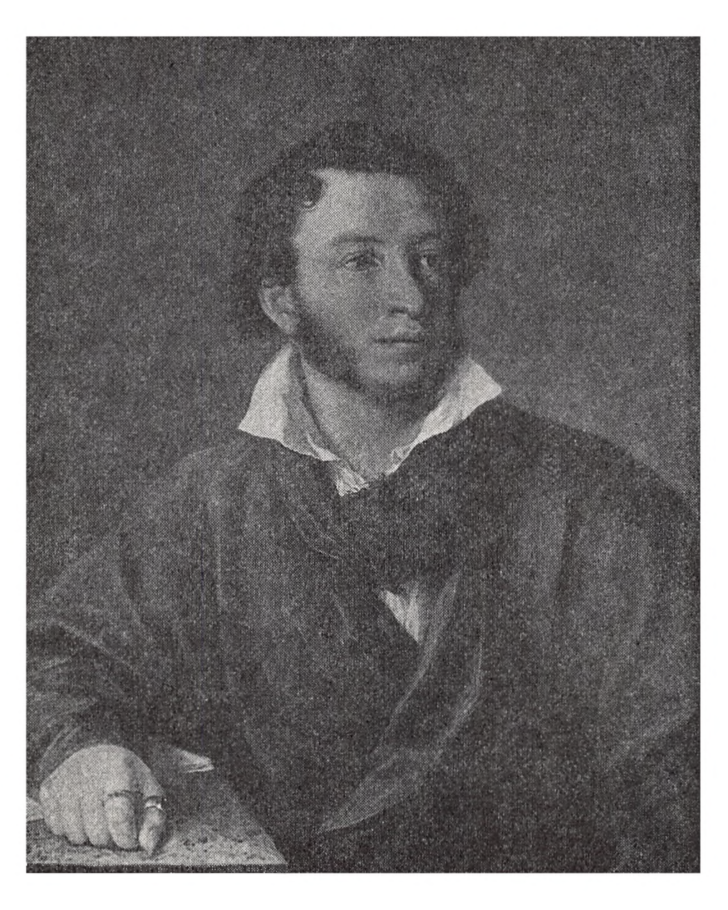
А. ОСОРГИНА

Пушкин
и его творчество

YMCA - PRESS
11, rue de la Montagne Ste-Geneviève
PARIS 5e

Того же автора:

ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(С древнейших времен до Пушкина)
Изд. YMCA-PRESS, 1955 г., 266 стр.



А. С. ПУШКИН

с карт. Тропинина.

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Пушкин и его творчество» является продолжением моего курса «История Русской Литературы» (с древнейших времен и до Пушкина) и написана для учеников старших классов русских школ и для взрослой молодежи, изучающей Пушкина и не имеющей возможности изучить его более подробно.

В настоящий очерк входит биография Пушкина и разбор самых главных его произведений. Этот курс, обычно, проходится в один год. Ученики, занимающиеся по-русски всего один или два раза в неделю, к сожалению часто не имеют возможности познакомиться со всем творчеством Пушкина, но все же необходимо, чтобы такие произведения, как «Евгений Онегин», «Полтава», «Борис Годунов», «Капитанская Дочка» были прочитаны целиком прежде, чем приступать к их разбору.

Цель моего очёрка не только познакомить молодежь с нашим величайшим поэтом, но главное дать ей понять и почувствовать красоту и глубину его творчества.

А. Осоргина.

ПУШКИН

Биография

Александр Сергеевич Пушкин родился 26 мая 1799 г. в Москве. По отцу он происходил из старинного дворянского рода Пушкиных, игравшего не раз роль при дворе царей московских и, выражаясь словами самого Пушкина, «под пером Карамзина в родных преданьях прозвучавшего». По матери Пушкин происходил от знаменитого арапа Петра Великого, Ибрагима Ганнибала, любимца и крестника императора Петра, который дал ему образование и вывел в люди. Абрам Петрович Ганнибал был прадедом поэта, но, несмотря на то, что в жилах Пушкина текла всего одна шестнадцатая часть африканской крови и пятнадцать шестнадцатых — русской, африканское происхождение сказывалось все же в некоторых его характерных чертах, внешних и внутренних. У него были, хоть и светлые, но очень курчавые волосы и довольно толстые губы; его вспыльчивость, страстный и горячий нрав тоже можно отчасти объяснить африканской кровью.

Родители поэта, Сергей Львович Пушкин и Надежда Осиповна (рожденная Ганнибал), принадлежали к той части дворянского общества, которая вела рассеянный, светский образ жизни, часто выше своих средств, и постепенно разорялась. Впоследствии, в «Евгении Онегине» Пушкин намекал на подобные дво-

рянские семьи: не умея вести дела своего имения, отец Онегина свои «земли отдавал в залог...»

«Служив отлично, благородно,
«Долгами жил его отец (отец Онегина),
«Давал три бала ежегодно
«И промотался наконец».

В доме родителей Пушкина не было порядка, часто не было денег, но всегда бывали гости, приемы, выезды. Мать, Надежда Осиповна, прозванная в обществе « la belle créole », много думала о своих нарядах и светских выездах, но не умела заниматься воспитанием детей. У Пушкина никогда не было настоящей близости с матерью. В поэзии своей он нигде не упоминает о ней, тогда как няне своей, Арине Родионовне, он посвятил несколько стихотворений.

Детей у Сергея Львовича и Надежды Осиповны было трое: дочь Ольга (род. в 1797 г.), сыновья Александр и Лев (род. в 1805 г.). Александр в раннем детстве был апатичным, рассеянным ребенком, потом превратился в шалуна, необычайно развитого, живчика. По сравнению с сестрой и братом он был менее любимым ребенком, и настоящую любовь, тепло и ласку давали ему М. А. Ганнибал (1) и няня Арина Родионовна; бабушка и няня говорили с мальчиком по-русски, от няни узнал он русские сказки, народные песни. Отец и мать часто говорили между собой и с детьми по-французски, гувернеры и гувернантки у детей были французы, — да и первые детские стихи Пушкина были написаны на французском языке, который он знал в совершенстве. Еще мальчиком прочел он в библиотеке отца всех французских классиков.

---

1) Марья Алексеевна Ганнибал, рожденная Пушкина. Ее отец принадлежал к другой ветви семьи Пушкиных.

Брат отца Пушкина, Василий Львович Пушкин, был поэтом, который, возможно, был бы более известен, если бы его впоследствии не затмил совершенно его знаменитый племянник. В доме Пушкиных часто бывали друзья Василия Львовича, — поэты, принадлежавшие к тому новому литературному течению молодых писателей (2), которые вошли в состав «Арзамаса». Пушкин с детства знал Жуковского, Вяземского, ставших позднее его близкими друзьями.

⁂

В 1811-м году, стараниями и хлопотами дяди Василия Львовича, Пушкин был принят в только-что открывшийся Царскосельский лицей, где он оставался до 1817 года. Лицей, помещавшийся в части царскосельского дворца, предназначался для детей высшей аристократии; туда должны были поступить молодые братья государя Александра I-го, Николай и Михаил; однако это не состоялось. Из лицеистов готовили будущих дипломатов, будущих государственных деятелей, и поэтому программа лицея была очень обширна, предметов изучалось множество; но именно благодаря этому образование, получаемое лицеистами, было отчасти поверхностное.

«Мы все учились понемногу,
Чему-нибудь и как-нибудь,..»

говорит Пушкин в первой главе «Евгения Онегина» (строфа V). Впоследствии Пушкин пополнял недостатки своего образования чтением и таким образом достиг высокой степени культуры и всестороннего образования.

---

2) См. “История русской литературы” А. Осоргиной, част II-ая, стр. 14, 15, 16.

Лицей был строго закрытым интернатом, ученики возвращались в свои семьи только на каникулы. Для Пушкина лицейские годы были светлой, счастливой эпохой его жизни, которую он всегда любил вспоминать. Здесь у него были настоящие, близкие ему друзья, друзья на всю жизнь. Дух товарищества, связывавший, соединявший как бы в одну большую семью этот первый выпуск лицеистов, стал традиционным во всей дальнейшей истории Царскосельского лицея, переименованного впоследствии в Пушкинский лицей. Много стихотворений Пушкина посвящено лицейскому празднику 19-го октября, — годовщине лицея.

Среди самых близких друзей Пушкина надо упомянуть, во-первых, Пущина (3), его соседа по комнате (у каждого лицеиста была своя отдельная комната).

«Мой первый друг, мой друг бесценный», —

говорит Пушкин про Пущина. Затем — Дельвига, тоже поэта, с которым Пушкина сближала именно любовь к поэзии, возможность делиться мыслями, обсуждать поэтическое творчество. Нельзя не упомянуть Вильгельма Кюхельбекера, «Кюхлю», преданного друга Пушкина. Лицеисты и сам Пушкин часто смеялись над долговязым, нелепым Кюхельбекером, над его тяжеловесными стихами, но горячо любили его.

Характер Пушкина-мальчика, затем — юноши был очень переменчив, неустойчив. Иногда впадал он в грусть и уныние, ему казалось, что никто его не любит; но это настроение сменялось самой бешеной веселостью, шалостями, заразительным смехом. Очень рано стали проявляться его поэтические дарования. Учителя

---

3) Ив. Ив. Пущин, принимавший в 1825 году участие в восстании декабристов и сосланный в Сибирь. Он написал очень интересные и ценные воспоминания о Пушкине.

лицея поощряли литературные попытки учеников и иногда даже задавали им сочинения в стихах (4). Нечего и говорить, что Пушкин был всегда первым в подобных литературных состязаниях, все лицеисты и преподаватели признавали в этом его первенство. В лицейских стихотворениях уже чувствуется большой талант Пушкина, хотя тогда он еще не освободился от некоторой невольной подражательности; в стихах этого периода чувствуется влияние то Державина, то Парни (5).

Пятнадцатилетний Пушкин обратил на себя внимание старого всеми уважаемого поэта Державина, прочитав перед ним на лицейском акте свое стихотворение «Воспоминание о Царском Селе» (6). В лицее уже была начата первая крупная поэма Пушкина «Руслан и Людмила». (Рассказывают, что Пушкин, посаженный в карцер за какую-то шалость, на стене карцера начертал первые строчки своего «Руслана»). Жуковский и Вяземский, старшие друзья и уже признанные поэты, приезжали в лицей общаться, а иногда и советоваться с молодым поэтом. Когда же Пушкин закончил «Руслана и Людмилу», Жуковский, прочитав поэму, прислал Пушкину свой портрет с надписью: «Ученику-победителю от побежденного учителя».

---

4) Рассказывают, что лицеистам однажды было задано классное сочинение в стихах: "Восход солнца". Пушкин быстро справился со своим сочинением и увидал, что Кюхельбекер мучается над своими стихами, не находя рифмы. Заглянув через плечо товарища, Пушкин прочел первую тяжеловесную фразу, в которой автор сделал комическую ошибку: "Се с **запада** восходит царь природы..." Пушкин схватил перо и быстро дописал:

"И удивленные народы
"Не знают, что им предпринять:
"Ложиться спать или вставать?"

5) Парни — французский поэт, лирик (1753-1814).

6) См. "Историю русской литературы" А. Осоргиной, часть I-ая, стр. 180.

В лицее Пушкин пережил отечественную войну 1812-го года. Царское Село было далеко от военных действий, собственно война его и не коснулась, но лицеисты с большим воодушевлением, подъемом и патриотизмом следили за ходом войны, переживали успехи и неудачи наших войск, провожали уходившие на войну полки, с восторгом встречали возвращавшиеся победоносные войска.

К последним годам пребывания Пушкина в лицее надо отнести его знакомство с Чаадаевым (7), который как раз был в числе офицеров русской армии и вернулся в Петербург после Венского конгресса. Чаадаев был старше Пушкина, в то время обладал большей культурой и образованием. Он оказал большое влияние на развитие литературного вкуса молодого поэта, научил его критически разбираться в произведениях других поэтов и писателей. Но впоследствии, уже взрослый Пушкин не разделял мрачного, пессимистического взгляда Чаадаева на культурное развитие и историю России и в письмах иногда возражал Чаадаеву (8).

В 1817 году Пушкин окончил лицей и получил диплом с отметками, блестящими по словесности и скорее средними по другим наукам. Кончились лицейские светлые дни, дружная семья лицеистов разлетелась в разные стороны. Пушкин, как и большинство других молодых людей, окончивших образование, должен был служить и поступил в Коллегию (министерство) Иностранных Дел. Начиналась взрослая самостоятельная жизнь. Служба мало интересовала и не много занимала молодого человека. С увлечением отдавался он петербургской жизни, ее развлечениям. Образ жизни Евгения Онегина, описанный в первой главе романа, отчасти изображает жизнь самого Пушкина в эти годы.

---

7) П. Я. Чаадаев, автор “Философических писем” (1836 г.), в которых Чаадаев высказывает мысли, воспринятые и развитые в 40-х годах западниками.

8) Письма Пушкина. Письмо к Чаадаеву 19 октября 1836 г.

Старшие друзья-поэты — Жуковский, Вяземский — напрасно старались удержать его, напрасно уговаривали не растрачивать по-пустому время и силы. Но среди светских развлечений Пушкин все же писал. По выходе из лицея он был принят в «Арзамас» с прозвищем Сверчок, но присутствовал всего на одном собрании общества, которое тогда уже умирало и скоро перестало существовать. Кроме мелких стихотворений, к этому периоду петербургской жизни относится крупное стихотворение «Деревня», написанное после поездки в его родное именье Михайловское; в «Деревне» Пушкин говорит о тяжелом положении крепостного народа и высказывает надежду на освобождение крестьян. Стихотворение это выражает либеральные взгляды Пушкина, но ничего революционного, направленного против правительства, в нем нет:

«Увижу ль я народ освобожденный
«И рабство, падшее **по манию царя».**

Зато в другой большой оде, «Вольность», уже явно и очень резко высказываются крайне либеральные взгляды Пушкина. Эта ода и множество эпиграмм, направленных против высокопоставленных лиц, особенно против всесильного Аракчеева — любимца и приближенного Государя, были причиной ссылки Пушкина. Стихи его уже тогда были очень популярны, расходились по рукам, не будучи еще напечатанными. Их переписывали и заучивали наизусть офицеры, учащаяся молодежь, и этого правительство не могло допустить. Пушкин должен был быть сослан на далекий север, в Соловки, но Жуковский, хлопотавший и просивший за него при Дворе,добился смягчения наказания; в мае 1820 года Пушкин выехал в Екатеринослав, где он должен был служить под началом генерала Инзова. Уезжал Пушкин из Петербурга в очень тяжелом настроении. Он чувствовал себя непонятым, оскорбленным; тяжела была насильственная перемена жизни, разлука с друзьями, людьми, близкими по духу

и культурному развитию. Екатеринослав представлялся ему провинцией, глушью, где он будет совершенно одинок. Вскоре по приезде в Екатеринослав, купаясь в Днепре, Пушкин простудился и серьезно заболел. По счастью, в это время через Екатеринослав, по дороге на Кавказ, проезжал генерал Н. Н. Раевский с семьей. Сын его, Николай, приятель Пушкина, разыскал ссыльного поэта и нашел его в очень жалком положении: в жару, без всякой медицинской помощи, без денег. Николай Раевский привел к больному доктора и упросил отца принять участие в судьбе своего друга. Генерал Раевский попросил Инзова отпустить с ним Пушкина для поправления его здоровья; Инзов на это согласился, и Пушкин уехал с семьей Раевских на Кавказ, а затем в Крым. Это путешествие, длившееся больше 3-х месяцев, жизнь в семье Раевских, были для Пушкина одним из самых счастливых и светлых периодов его жизни. В семье Раевских Пушкин нашел то, чего был лишен в детстве и юности: уют, ласку дружной, хорошей семьи, культурной и образованной. Генерал Раевский, герой отечественной войны, был высокообразованным человеком, добрым, хорошим семьянином. У него было двое сыновей и четыре дочери. Старший сын, Александр, присоединился к семье уже на Кавказе; он имел большое влияние на молодого Пушкина, который посвятил ему свое стихотворение «Демон»; но впоследствии Пушкин совершенно разошелся с Александром Раевским. Второй сын, Николай, был, как уже было сказано, приятелем Пушкина. Старшая дочь, Екатерина, с которой Пушкин очень дружил, познакомила его с поэзией Байрона. В лицее Пушкин изучал английский язык, свободно читал и понимал, но не говорил по-английски. Мрачная поэзия Байрона произвела на него большое впечатление и отчасти отразилась на его первых поэмах. Второй дочери генерала Раевского, Марии, в то время было всего 15 лет; это была прелестная, хотя и не особенно красивая девушка, вдумчивая, поэтичная. Пушкин влюбился в нее, и это чувство, хотя и не разделенное, даже ни-

когда не высказанное, было одним из самых нежных и долгих в его жизни. В первой главе «Евгения Онегина» ей, Марии Раевской, скорее ее прелестным ножкам, посвящено несколько строф (9): «Ах, ножки, ножки, где вы ныне?..». Ей же, по всей вероятности, посвящена поэма «Полтава», написанная в 1828 году. Мария Раевская впоследствии вышла замуж за князя Волконского, который участвовал в декабрьском восстании и в числе других декабристов был сослан в Сибирь. Мария, вместе с княгиней Трубецкой, последовала за своим мужем в ссылку; проезжая через Москву по дороге в Сибирь, она прощалась со своими друзьями в доме княгини Зинаиды Волконской, и там Пушкин, уже вернувшийся из ссылки, прочитал ей эти строфы из «Евгения Онегина», в которых увековечена его юная любовь. Этим двум женам декабристов поэт Некрасов посвятил поэму «Русские женщины».

Путешествие с милой семьей Раевских, красота и величие кавказской природы, первая встреча с морем (10) — все это после светской жизни в Петербурге необыкновенно благотворно действовало на Пушкина и возбуждало его творческое вдохновение. Под свежим впечатлением всего виденного был задуман и написан «Кавказский пленник» и затем «Бахчисарайский фонтан».

В то время как Пушкин путешествовал с семьей Раевских, любуясь красотами Кавказа и Крыма, его начальник, генерал Инзов, был переведен из Екатеринослава в Кишинев, и Пушкину пришлось возвращаться на службу к своему начальнику в Бессарабию, в Кишинев. После Екатеринослава, и особенно после дивной красоты Кавказа и Крыма, этот город показался Пушкину особенно непривлекательным. На улицах грязь, жизнь — серая, непривлекательная. Общество состояло из офицеров стоявших в Кишиневе полков,

9) Строфы XXX, XXXI, XXXII, XXXIII и XXXIV.

10) Пушкин с Раевскими ехали морем из Тамани до Гурзуфа.

богатых молдаван, коммерсантов, румын. Собираясь друг у друга, играли в карты, пили, ели. Культурных людей в Кишиневе было мало, культурных интересов — никаких; театра не было. Пушкин скучал, тосковал, от скуки иногда делал глупости, оригинальничал: ходил в красной рубашке, с палкой. Вяземский в этот период его жизни остроумно называл его «бес арабский» (11). К тому же Пушкин часто нуждался в деньгах. Генерал Инзов, с необычайной добротой и деликатной чуткостью относившийся к ссыльному поэту, пригласил его поселиться у него в доме; Пушкин постоянно обедал у своего начальника, но все это ему было тяжело при его горячем, самолюбивом характере.

Восемнадцать столетий до того времени, когда Пушкин жил в Кишиневе, еще до Рождества Христова, другой поэт был сослан в эти пустынные края, — Овидий. Римский император сослал Овидия, известного и очень популярного среди римской молодежи поэта, в Бессарабию; несмотря на все просьбы и мольбы Овидия, Август остался непреклонен, и поэт так и умер в изгнании, не увидав своего родного и любимого Рима. Пушкин в Бессарабии как бы встретился с тенью Овидия и был, вероятно, поражен сходством судьбы римского поэта со своей судьбой. Известно, что в Кишиневе Пушкин перечитывал творения Овидия. В письмах к близким друзьям (12) он постоянно упоминал о нем:

«Еще доныне тень Назона (13)
«Дунайских ищет берегов»,

пишет он в письме к Баратынскому (1822 г.). В Кишиневе написана прекрасная ода «К Овидию»:

«Овидий, я живу близ тихих берегов...

---

11) Каламбур: бессарабский — бес арабский.
12) В письме к Гнедичу (24.III.1821), в письме к Чаадаеву (1821).
13) Назон — второе имя Овидия.

«Твой безотрадный глас места сии прославил,
«И лиры нежный глас еще не онемел.»
. . . .

«Как часто, увлечен унылых струн игрою,
Я сердцем следовал, Овидий, за тобою».

По черновым тетрадям видно, что Пушкин очень долго работал над этим стихотворением, как бы особенно дорожа им. Впоследствии, в поэме «Цыганы», в уста старика-цыгана вложен рассказ-легенда об Овидии. Упоминается Назон в «Евгении Онегине» (гл. 1, строфа VIII). И до конца своей жизни Пушкин относился к Овидию с какой-то особой, бережной нежностью, как к близкому другу.

В Кишиневе Пушкин пережил сильное увлечение. Он познакомился с женой одного румынского коммерсанта, Амалией Ризнич, итальянкой, женщиной необычайной красоты, и страстно увлекся ею. Увлеченье, вероятно, было взаимное, так как муж поспешил увезти свою жену в Одессу, а затем в Италию, где она в скором времени умерла. Любовь к Амалии Ризнич отразилась в нескольких прекрасных лирических стихотворениях («Для берегов отчизны дальной» (1830), «В последний раз твой образ милый» (1830).

Тоскуя в Кишиневе, Пушкин хлопотал через своих петербургских друзей и лично писал прошения о переводе его в Одессу. Хлопоты длились долго, но наконец увенчались успехом, и в 1823 году он был переведен в Одессу. Начальником его в Одессе был граф Воронцов-Дашков. Это был человек совершенно другого склада, чем добрый генерал Инзов, и Пушкин очень скоро почувствовал эту разницу. Человек высшего общества, англоман, по характеру суховатый и высокомерный, Воронцов относился к Пушкину, как к ссыльному, провинившемуся чиновнику; он не понимал и нисколько не ценил Пушкина, как поэта, требовал от него знаков почтения, точного исполнения служебных обязанностей, иногда давал ему поручения,

которые оскорбляли и унижали Пушкина. Все это не могло создать хороших отношений между начальнаком и подчиненным.

В одной из своих эпиграмм на Воронцова, Пушкин очень нелестно характеризует его:

«Полу-герой (14), полу-невежда,
«К тому ж еще полу-подлец!..
«Но тут, однако ж, есть надежда,
«Что будет полным наконец».

Но несмотря на неприятности и столкновения с Воронцовым, несмотря на служебные обязанности, Пушкин много и серьезно работал. В Одессе он начал «Евгения Онегина», написал две первые главы. Одновременно он работал над «Цыганами», одновременно было написано множество разных стихотворений.

Пушкин был по природе очень влюбчив, легко и страстно увлекался. В Одессе его воображение было поражено красотой графини Воронцовой, жены его начальника, которая несомненно была очень к нему благосклонна. Вероятно ей посвящено стихотворение «Талисман». Воронцов не мог не заметить, что Пушкин ухаживает за его женой. Следя за всеми поступками ссыльного поэта, Воронцов дошел до того, что приказал на почте вскрывать письма Пушкина. В одном из своих писем Пушкин писал, что «берет уроки чистого афеизма (атеизма)». Это была правда. Атеистом Пушкин никогда не был, а к концу своей жизни стал глубоко верующим человеком, но в молодости он интересовался всевозможными учениями и умственными течениями. Встретив в Одессе одного англичанина-атеиста, он часто беседовал с ним и уже в том же письме насмешливо говорит, что это — «единственный умный атеист», которого он до сих пор встретил, критикуя

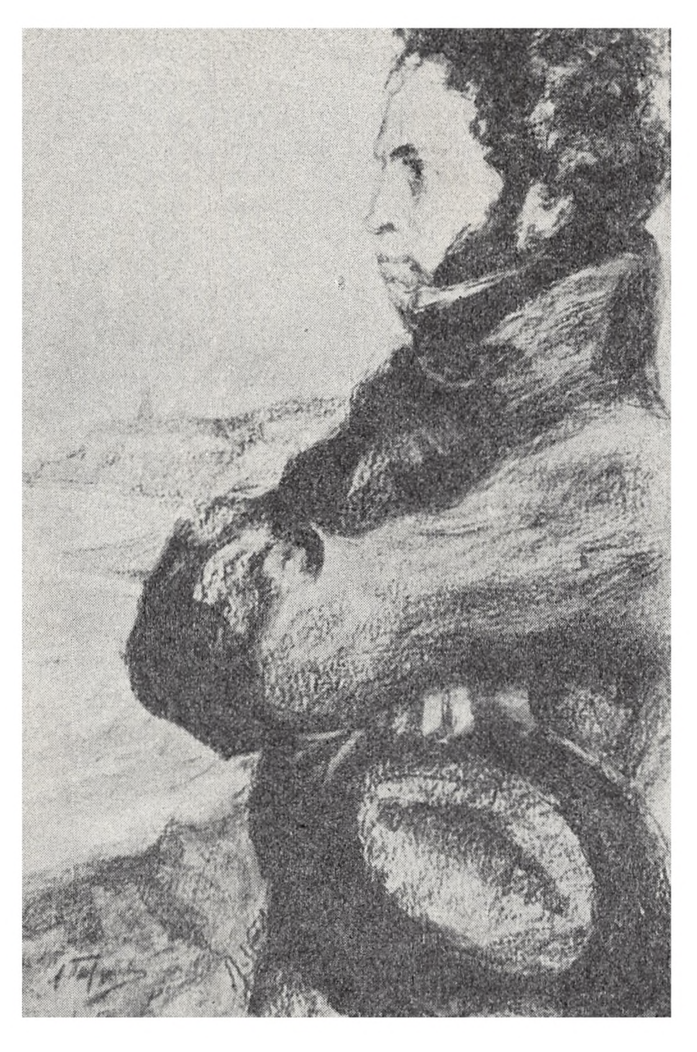
---

14) По другой версии: “полу-милорд”, — намек на англоманию Воронцова.

таким образом умственные способности прочих атеистов. Для Воронцова, раздраженного на поэта, эта фраза об «уроках атеизма» в письме Пушкина послужила предлогом начать хлопоты об удалении его из Одессы. Воронцова раздражала все возрастающая слава Пушкина, как поэта, тогда как он видел в нем только неблагонадежного ссыльного **чиновника.** «Он, в сущности, только слабый подражатель не совсем почтенного образца — лорда Байрона», писал Воронцов министру Нессельроде. Вот как понимал Воронцов значение Пушкина, как поэта! Он считал, что влияние Пушкина на окружающих его людей настолько вредно, что следует отставить его от государетвенной службы и удалить от всякого общения с людьми. Воронцов добился своего, и Пушкину было предписано покинуть Одессу и поселиться в имении своего отца, Михайловском (Псковской губернии), без права выезда и под постоянным надзором. Пушкин был глубоко возмущен и потрясен этой новой переменой в своей судьбе. Не только он был лишен свободы и сослан, не только его оскорбляли унизительным отношением к нему, не только вскрывали и читали его частные письма, но еще считали, что его влияние, т. е. влияние его поэтического дара, вредно для окружающих его людей.

В очень тяжелом настроении уезжал он из Одессы. Прощаясь с морем, которое он так любил, Пушкин написал дивное стихотворение «К морю».

30 июля 1824 г. он покинул Одессу и пустился в дальний путь, в Михайловское. Нелегко ему было первое время под родительским кровом в родном Михайловском. Отец был недоволен своим сыном, встретил его упреками, считая, что он кругом виноват в своей ссылке. Частые размолвки и ссоры дошли до того, что Сергей Львович уехал с семьей из Михайловского, оставив в нем сына Александра одного; он даже не хотел, чтобы Пушкин переписывался с братом и сестрой. И вот началась одинокая жизнь Пушкина, продлившаяся около двух лет. В скромном Михайлов-



А. С. Пушкин над морем

рис. Л. Пастернака.

ском доме, в котором зимой только часть отапливалась, Пушкин жил один с несколькими слугами и няней, которая правила всем в доме, а по вечерам рассказывала сказки своему питомцу.

«Знаешь мои занятия?» писал Пушкин брату Льву Сергеевичу из Михайловского. —«До обеда пишу записки, обедаю поздно; после обеда езжу верхом, вечером слушаю сказки — и вознаграждаю тем недостатки проклятого своего воспитания. Что за прелесть эти сказки! каждая есть поэма». — Няня Арина Родионовна, бесконечно и преданно любившая своего воспитанника, была в Михайловском единственным близким ему человеком и другом. «Подруга дней моих суровых», называет ее Пушкин («К няне»); сколько раз в своих стихотворениях с нежной любовью вспоминает он ее — «голубку дряхлую» свою.

В письмах к друзьям из Михайловского часто повторяется просьба прислать книги, точные указания — **что** именно требуется для работы. А работал — читал и писал Пушкин много. Он прочитал трагедии Шекспира, читал Историю Карамзина; особенно остановили на себе его внимание конец Х-го и XI-й том Истории, период Смутного времени. Это навело его на мысль начать писать историческую драму «Борис Годунов».

Для того, чтобы лучше изучить простонародный язык, Пушкин часто ходил на базар в ближайший городок; одет он был в русской рубашке, с палкой в руке, — трудно было признать в нем барина; он вмешивался в народную толпу, слушал разговоры, замечал народные выражения, обороты речи. К чисто народным стихотворениям этого периода жизни Пушкина относится «Утопленник», — народная легенда.

Работая над «Борисом Годуновым», Пушкин одновременно продолжал писать и «Евгения Онегина», написал много лирических стихотворений.

Единственным развлечением в жизни Пушкина за годы жизни в Михайловском были частые посещения

соседнего имения Тригорского, принадлежавшего П. А. Осиповой. Верхом, а иногда пешком, с палкой в руке, являлся Пушкин к доброй Прасковье Александровне Осиповой, в дом, полный женской молодежи. В женском обществе Тригорского Пушкин был принят, как свой человек; его любили, его баловали, в него влюблялись; а он и дружил, и веселился, и ухаживал. Испытал одно более серьезное чувство к племяннице П. А. Осиповой, Анне Петровне Керн, посвятил ей известное стихотворение «Я помню чудное мгновенье» (15).

Несмотря на то, что Пушкин был как бы в ссылке и не должен был ни с кем общаться, в Михайловском его навестили его лицейские товарищи: проездом повидался с ним Горчаков, на один день приезжал Дельвиг; но главную и самую большую радость доставил ему первый близкий друг его, Пущин. Он приехал в Михайловское неожиданно в начале зимы 1825 года. Пушкин был бесконечно счастлив. Весь день и почти всю ночь друзья провели за разговорами. Пушкин читал Пущину отрывки из «Бориса Годунова». Это было их последним свиданием: Пущин был одним из деятельных членов «Тайного северного общества», участвовал в восстании декабристов, был сослан в Сибирь и вернулся из ссылки уже после смерти Пушкина. Но Пушкину он ничего не сказал о готовящемся восстании. Надо думать, что друзья Пушкина, из которых многие были участниками заговора, берегли поэта, не хотели подвергать его опасности, а отчасти, может быть, боялись его горячности, несдержанности. Как бы то ни было, Пушкин не знал о готовящемся восстании. По его черновой тетради мы узнаем, что именно 14 декабря 1825 г. он закончил одно из самых своих легких, веселых произведений, «Граф Нулин»; это было бы невозможно, если бы он знал о том, что происходило в этот день на Сенатской площади, в Петербурге. Узнал он о восстании через несколько дней

15) Впоследствии М. Глинка положил это стихотворение на музыку, как думают, для дочери А. П. Керн.

в Тригорском от посланного за покупками в город слуги П. А. Осиповой. Нечего и говорить о том, как взволновало Пушкина все происшедшее в Петербурге 14-го декабря, как он переживал и принимал к сердцу судьбу многих своих друзей, замешанных в восстании. Но он был прежде всего — поэт, и все его душевные переживания отражались и выражались в его творчестве; декабристам посвящено: «Послание в Сибирь», «Арион» и отдельно Пущину — «Мой первый друг, мой друг бесценный» (16).



В сентябре 1826 года кончилась ссылка Пушкина. Вступив на престол, государь Николай I решил его помиловать. В Михайловское за Пушкиным был послан курьер, который должен был доставить его в Москву, где государь находился в то время по случаю коронации. Прямо с дороги, в дорожном платье, Пушкин был доставлен в Кремль, во дворец, где Николай I принял его наедине в своем кабинете. Беседовали они больше часа. Никто не знает точного содержания их беседы, но Пушкин вышел от государя взволнованный, покоренный этим искренним разговором; в стихотворении «Друзьям» Пушкин выражает свое отношение к Николаю I:

«Нет, я не льстец, когда царю
«Хвалу свободную слагаю;
«Я смело чувства выражаю,
«Языком сердца говорю.
. . . .
«Его я просто полюбил»..

Друзьям Пушкин сказал, что государь прямо спросил его, знал ли он о готовящемся восстании декабри-

16) Говорят, что стихотворение это было передано Пущину в Сибири одной из жен декабристов в щелку забора, окружавшего его тюрьму.

стов. — «Я о нем не знал», ответил Пушкин, «но даю честное слово Вашему Величеству, что если бы знал, то был бы среди них». — «Спасибо за откровенность», сказал государь. В этот же вечер на балу у французского посла (17) государь сказал одному из близких к нему людей (18): «Сегодня я говорил с самым умным человеком в России», — и на вопрос, кто это? — ответил: «Пушкин».

А сам Пушкин, изголодавшийся по театру, пошел вечером слушать оперу в Большом Театре. В антракте, пройдя через весь партер и прислонившись спиной к рампе,он смотрел на публику, на давно не виданную и так знакомую ему нарядную толпу. Вдруг с разных сторон раздались аплодисменты: «Это — Пушкин, Пушкин», пронеслось по театру; публика аплодировала, приветствуя вернувшегося из ссылки уже всем известного поэта, и Пушкину пришлось раскланиваться на все стороны.

Во время первого разговора с Пушкиным Николай I сказал ему, что отныне он сам будет его цензором, и велел поэту посылать все, что он пишет, прямо ему. Казалось, что это может быть очень хорошо для Пушкина, но вышло совсем иначе. Государю не было времени читать и цензуровать все, что писал Пушкин, и он поручил это генералу Бенкендорфу, шефу жандармов, немцу по рождению, который не мог понимать и ценить русскую поэзию. Пушкин много страдал от этого непонимания; кроме того, Бенкендорф считал, что возложенная на него обязанность состоит в постоянном наблюдении за Пушкиным, который принужден был сообщать Бенкендорфу о всякой своей поездке, и сколько это влекло за собой неприятностей и недоразумений!

Годы после окончания ссылки не были счастливым периодом в жизни Пушкина. Он часто переезжал с места на место, жил то в Москве, то в Петербурге, ез-

---

17) Гр. Мармона, герцога Рагузского.
18) Блудову, бывшему Арзамазцу.

дил в Михайловское и Тригорское. За эти годы им было написано только одно крупное произведение, «Полтава» (1828 г.). В день своего рождения, 26 мая (1828 г.) Пушкин написал стихотворение, в котором выражается все его грустное, пессимистическое настроение этого периода:

«Дар напрасный, дар случайный,
«Жизнь, зачем ты мне дана?

Это стихотворение дошло до митрополита московского Филарета, необычайно умного, мудрого старца, который чутко понял и прочувствовал грустное настроение поэта и ответил Пушкину тоже стихами:

«Не напрасно, не случайно
«Жизнь судьбою мне дана...»

Пушкин благодарно отозвался на эту протянутую ему руку помощи в другом стихотворении («В часы забав»..).

⁂

В Москве Пушкин познакомился с семьей Гончаровых. Младшая из трех сестер Гончаровых, Наталья Николаевна, еще почти девочка, необыкновенная красавица, произвела на него большое впечатление. Мысли о женитьбе все чаще приходили ему в голову; он решил сделать предложение, но получил отказ. Мать Натальи Николаевны не хотела выдавать свою дочь за поэта, нигде не служившего, не имевшего ни большого состояния, ни определенного положения в обществе. Нечего и говорить, что отказ этот не только огорчил, но и очень расстроил Пушкина. Он не находил себе места. Хотел ехать за границу, мечтал об Италии; для этого надо было получить разрешение Бенкендорфа; разрешения ему не дали. Тогда, уже не спрашивая разрешения, Пушкин решил ехать на Кавказ, в Закавказье, где в это время шла война с Тур-

цией. В «Путешествии в Арзрум» (Эрзерум) Пушкин описывает эту свою поездку. Он был на передовых позициях, видел войну; часто его фигура в штатском одеянии, с широкополой шляпой на курчавых волосах, появлялась среди военных, иногда в самых опасных местах. Пушкин оставался на Кавказе до взятия крепости Эрзерум. Генерал Ермолов, главнокомандующий кавказской армии, ласково принял его, так же, как и генерал Паскевич, прежний главнокомандующий. На Кавказе, среди офицеров, Пушкин встретил своего брата Льва, которого очень любил, и многих друзей и знакомых. По их свидетельству, Пушкин давно не был в таком веселом, оживленном настроении: все его интересовало, увлекало. Везде его принимали с радостью, с воодушевлением, чествовали, как любимого поэта. Это его, конечно, очень радовало после долгого михайловского одиночества, после стесненного положения опального поэта, находившегося под наблюдением. Кстати, после возвращения с Кавказа Пушкин получил строгий выговор от генерала Бенкендорфа за самовольную отлучку...

Путешествуя по Кавказу, Пушкин случайно по дороге встретил повозку, на которой везли в Тифлис тело убитого в Персии Грибоедова. Встречу эту он описал в своем «Путешествии в Арзрум».

Скоро после возвращения с Кавказа Пушкин вновь сделал предложение Н. Н. Гончаровой и на этот раз получил согласие. Однако мать Натальи Николаевны потребовала, чтобы Пушкин до свадьбы привел в порядок свои материальные дела, для чего ему надо было поехать в свое имение Болдино, Нижегородской губернии. Пушкин выехал в Болдино в конце августа, надеясь провести там 2-3 недели, привести в порядок дела и скорее вернуться в Москву к своей невесте. Но в то время, как он был в Болдине, в Москве вспыхнула эпидемия холеры. Въезд и выезд из Москвы был запрещен, повсюду были установлены карантины, и Пушкин должен был остаться в Болдине до конца эпидемии, почти три месяца. По его письмам видно, как он

досадовал, тосковал по своей невесте, не находил себе места. А между тем эти три месяца полного одиночества в деревне, эта болдинская осень, были самым плодотворным периодом его творчества. Осень всегда особенно живительно действовала на Пушкина, он любил ее больше других времен года («Осень», 1833). В Болдине Пушкин закончил «Евгения Онегина», написал «Повести Белкина», драматические сцены и множество стихотворений.

Свадьба Пушкина состоялась в Москве 18 февраля 1831 г. Начинался новый период семейной жизни, о которой Пушкин так давно мечтал. Первое время после свадьбы молодые жили в Царском Селе. Там же в это время жил и Жуковский. Друзья часто видались. Жуковский познакомил Пушкина с Гоголем, который тогда только начинал писать и еще не был известен. Он читал Пушкину свои «Вечера на хуторе», и Пушкин очень ценил юмор, «истинную веселость» Гоголя, который считался с каждым замечанием, критикой или одобрением Пушкина и всю жизнь благоговел перед ним.

Был ли счастлив Пушкин в своей семейной жизни? Он очень глубоко и нежно любил свою красавицу-жену, Наташу, Ташеньку, свою «косую мадонну», как он ее называл (Наталья Николаевна чуть-чуть косила, что придавало ей еще больше своеобразной прелести). Она несомненно тоже любила своего мужа, который был значительно старше ее, но не понимала, не ценила по-настоящему его исключительного таланта, его значения, как поэта. Вкусы у них были совершенно различные. Александру Сергеевичу было уже за 30 лет, светские развлечения ему давно надоели, ему хотелось спокойной, семейной жизни, хотелось писать в тишине, серьезно работать. Наталья Николаевна только недавно начала выезжать в свет; балы, туалеты, светская жизнь увлекали ее тем более, что она при своей красоте имела всегда огромный успех. Пушкин ни в чем не хотел отказывать своей молодой жене; но постоянные выезды, туалеты Натальи Николаевны стоили до-

рого, денег часто не хватало, приходилось входить в долги, спорить и торговаться с издателями. До чего это было трудно и противно Пушкину; материальная жизнь его, правда, всегда зависела от издания его произведений, но творческая работа была просто потребностью, радостью его.

Кроме домашних и материальных затруднений, у Пушкина были постоянные недоразумения и неприятности с цензурой. Когда от него требовали изменить что-нибудь в уже законченном произведении, он иногда не мог подчиниться, чувствуя, что всякая перемена нарушит художественность его произведения. Так, например, когда Бенкендорф, ссылаясь на мнение государя, потребовал внести изменение и поправки в некоторые сцены «Бориса Годунова», Пушкин отказался от издания своей драмы, положил ее в ящик стола, и издана она была уже гораздо позже, безо всяких изменений.

В 1832 году родилась у Пушкина дочь Мария, — Машка, как звал ее отец, в 1833 году сын Александр, — Сашка. С увеличением семьи увеличивались и расходы.

После свадьбы Пушкины, как уже было сказано, жили в Царском Селе, потом переехали в Петербург. Пушкин был вновь принят на службу в Коллегию Иностранных Дел. По его просьбе, ему было разрешено заниматься в Государственных архивах, где он разбирал, читал и изучал документы XVIII-го века. История всегда привлекала и интересовала Пушкина, особенно — эпоха Петра Великого, который был героем стольких его произведений (19). Но на этот раз, разбирая исторические архивы, он обратил особое внимание на происшедший в царствование Екатерины II-й Пугачевский бунт, о котором до тех пор почти ничего не было написано. Пушкин задумал написать «Историю Пугачевского бунта» и для этого осенью 1833 года предпринял большое путешествие по Волге и в Оренбург, чтобы лучше понять и изучить тот край, где происхо-

---

19) "Арап Петра Великого", "Полтава", "Медный Всадник".

дили события Пугачевщины. Путешествие оказалось очень интересным. Так, в окрестностях Оренбурга Пушкин разыскал современников Пугачева, помнивших его. Одна 75-летняя казачка хорошо помнила бунт, рассказала Пушкину много интересного, пела ему песни о Пугачеве. На обратном пути Пушкин заехал в Болдино, где остался 2 месяца и где, как и в первый раз, очень много и плодотворно работал. За эти два месяца он написал «Медный Всадник», «Сказку о рыбаке и рыбке», «Сказку о мертвой царевне», «Анджело». В 1834-м году «История Пугачевского бунта» была издана. Это — подробный, прекрасно и ясно изложенный чисто исторический труд. Но Пушкин, поэт и писатель, не мог удовлетвориться таким сухим изложением событий и впоследствии написал свою знаменитую «Капитанскую дочку», в которой исторические события реально оживают перед нами.



В январе 1834 года государь Николай Павлович сделал Пушкина камер-юнкером; это было для Пушкина совершенно неожиданно и довольно неприятно. В дневнике своем Пушкин записал: «Третьего дня я пожалован в камер-юнкеры (что довольно неприлично по моим летам)». Надо думать, что назначение это было сделано для того, чтобы Наталья Николаевна, красота которой была известна в высших светских и придворных кругах, могла бывать на балах во дворце; а для этого надо было, чтобы муж ее имел какое-нибудь официальное отношение ко Двору. Камер-юнкеры при Дворе были совсем молодые люди, а Пушкину в то время было уже 35 лет; его сверстники, некоторые из его лицейских товарищей, были уже в высоких чинах. Звание камер-юнкера не только не вызвало у Пушкина чувства благодарности, которой ожидал государь, но, наоборот, оскорбило самолюбие поэта. И все же он надевал камер-юнкерский мундир и ездил на придворные балы, где он скучал и томился, но где его жена веселилась и блистала; танцевала она часто

и с самим государем, который несомненно восхищался ее красотой. Все время Натальи Николаевны было занято светской жизнью, визитами, прогулками верхом. Мало времени оставалось для домашней жизни; детьми, хозяйством занималась больше старшая сестра Натальи Николаевны, Александра, которая вместе с другой сестрой, Екатериной, жила у Пушкиных. Детей у Пушкина было четверо: два мальчика и две девочки; по его письмам к жене видно, как он нежно любил их, как во время своих отлучек заботливо спрашивал о них... «Поцелуй детей и благослови их за меня» (письмо Н. Н. Пушкиной, 14-IV-1834) — «Обнимаю тебя крепко — детей благословляю — тебя также» (14-VII-1834) — «Целую Машу и заочно смеюсь ее затеям».. «Что ты про Машу ничего не пишешь? Ведь я, хотя Сашка и любимец мой, а все люблю ее затеи... Целую тебя и благословляю ребят» (2-X-1835).

Благодаря светской жизни Натальи Николаевны расходы все росли; Пушкина постоянно угнетали материальные затруднения, заботы, переговоры с издателями, которых он иногда отсылал к жене: она лучше его умела с ними торговаться.

В высшем придворном обществе Наталья Николаевна познакомилась с молодым французом, Жоржем Дантесом, офицером на русской службе (20), который увлекся ее красотой, часто танцевал с нею, сопровождал ее верхом на прогулках, постоянно встречался с нею. Дантес был приемным сыном голландского посланника, барона де-Геккерн, который всячески поощрял ухаживания Дантеса за женой Пушкина. Де-Геккерн души не чаял в своем приемном сыне, потакал всем его прихотям и нисколько не смущался тем, что явные ухаживания Дантеса раздражают Пушкина и возбуждают ревность в его страстной натуре. Можно с полной уверенностью сказать, что Наталья Никола-

---

20) Приехав в Россию в октябре 1833 года, Дантес сдал экзамен при Военной Академии и в начале 1834 года был зачислен в Кавалергардский полк.

евна никогда не изменила своему мужу, — она всегда рассказывала ему все подробности ухаживаний Дантеса, что часто еще больше раздражало Пушкина и вызывало его возмущение и против самого Дантеса, и против его приемного отца. В некоторых светских салонах, где Дантес был принят, как свой человек, ему сочувствовали, интересовались его поступками, его интригами, не обращая внимания или даже насмехаясь над страданиями и неприятностями, которые вся эта история причиняла Пушкину. По свидетельству близких друзей, по их воспоминаниям и письмам видно, что Пушкин постоянно бывал в очень тяжелом, мрачном, настроении. С постоянной тревогой в душе, выливавшейся иногда в вспышках раздражения и ревности, он не мог спокойно работать, не мог отдаваться своему любимому литературному труду; за последние годы его жизни, когда талант его уже достиг своего высшего развития, он писал мало. Но по немногим стихотворениям этих последних лет его жизни видно, что Пушкин углубился, ушел в себя; в нем развилось религиозное чувство. Об этом свидетельствуют такие стихотворения, как «Отцы пустынники» (1836), «Мирская власть» (1836). Нельзя сказать, чтобы Пушкин в молодости был неверующим. Под влиянием легкого, скорее эпикурейского скептицизма, царствовавшего среди молодежи в начале XIX-го века, Пушкин написал многое, чего не следовало бы писать, отзываясь легкомысленно и непочтительно о религиозных вопросах, доходя даже до кощунства; как он впоследствии жалел и раскаивался в этом! В стихотворении «Воспоминание» (1828) он пишет, что в часы бессоницы, в ночной тиши, он томится воспоминаниями:

«...живей горят во мне
«Змеи сердечной угрызенья.
. . . .
«И с отвращением читая жизнь мою,
«Я трепещу и проклинаю,
«И горько жалуюсь, и горько слезы лью,
«Но строк печальных не смываю».

С годами его религиозная мысль росла и углублялась; во всем его творчестве чувствуется истинный христианский дух. В письмах к жене он спрашивает ее, не забывает ли она молиться вечером? Почти каждое письмо, как уже было сказано, заканчивается тем, что он благословляет жену и детей.

В Петербурге Пушкин часто виделся с фрейлиной А. О. Россет, в замужестве Смирновой (21), так как ценил ее ум, тонкое понимание литературы и верную критику. В своих воспоминаниях, записанных дочерью со слов матери, А. О. Смирнова рассказывает, что както (уже незадолго до конца своей жизни) Пушкин зашел к ней и на вопрос ее, что за книга у него в кармане, вынул Евангелие и сказал: «С этой книгой я никогда не расстаюсь».

Каждый год товарищи Пушкина, бывшие лицеисты, собирались 19 октября праздновать годовщину открытия Царскосельского лицея. Известны несколько стихотворений Пушкина, посвященных лицейскому празднику. В 1836 году уже многих товарищей первого выпуска не было среди собравшихся лицеистов: некоторые умерли, некоторые, как Пущин, Кюхельбекер, принимавшие участие в восстании декабристов, находились в ссылке. Пушкин, пришедший на праздник видимо очень взволнованный и в тяжелом настроении духа, вынул из кармана написанные им стихи, начал читать и вдруг остановился; слезы брызнули у него из глаз, он не мог продолжать чтения... Все это свидетельствует о том, что происходило у него в душе.

И тем не менее он работал. Уже давно Пушкину хотелось основать литературно-политическую газету, в которой он мог бы выражать свои взгляды и возражать журналистам, захватившим в свои руки всю литературную критиру и часто нападавшим на него. Действительно, в то время вся журналистика находилась в руках так называемого «триумвирата» — Бул-

---

21) А. О. Россет (Смирнова) впоследствии была дружна с Лермонтовым и с Гоголем.

гарина, Греча и Сенковского. Пушкин не раз высказывался в довольно резких статьях против этих журналистов, особенно против Булгарина, который осмеян в нескольких эпиграммах. Проект издания газеты Пушкину не удалось осуществить, но в 1836 году он начал выпускать большой литературный журнал «Современник», выходивший 4 раза в год. Некоторые произведения Пушкина появились впервые в этом журнале. Пушкин много работал для «Современника», собирая материалы, сам следил за изданием, держал корректуру, вел переписку с сотрудниками (22). Как ни странно, «Современник» не пользовался большим успехом среди публики. Литературный вкус читающей публики был мало развит в те времена, среднему читателю не по плечу было серьезное содержание журнала, которому Пушкин отдавал все свое время, все свои силы.

Тем временем настойчивое ухаживание Дантеса за Натальей Николаевной продолжалось. В ноябре 1836 года Пушкин получил анонимное письмо, крайне оскорбительное для чести его жены. Одновременно несколько человек среди знакомых Пушкина получили копии этого письма. Пушкин был взбешен. Имея основания предполагать, что анонимные письма написаны Геккерном, Пушкин написал ему очень резкое письмо, обличая его интриги, обличая неблагородные поступки его приемного сына (23). Голландский посланник приехал к Пушкину, чтобы объясниться, и принял вызов на дуэль от имени своего приемного сына, Дантеса, но тут же попросил отсрочки этой дуэли на две недели. В течение этого срока Дантес, вероятно, чтобы отвлечь от себя подозрения и гнев Пушкина, стал усиленно ухаживать за сестрой Натальи Николаевны,

---

22) После смерти Пушкина "Современник" перешел в руки Плетнева, а в 1847 году — в руки Некрасова, который сумел привлечь к своему журналу выдающихся сотрудников, как, например, критика Белинского; в "Современнике" появлялись произведения Тургенева, Толстого, Достоевского, Григоровича. "Современник" просуществовал до 1866 г.

23) Письмо это сохранилось в черновиках Пушкина, но, по-видимому, не было послано.

Екатериной Николаевной Гончаровой, которая была в него влюблена. Дантес сделал ей предложение и получил согласие. Узнав об этом, Пушкин дал знать Дантесу, что берет свой вызов назад. Свадьба Дантеса и Екатерины Гончаровой состоялась. Что можно сказать о том поступке Дантеса, который, породнившись таким образом с Натальей Николаевной, продолжал изъясняться ей в любви, обманывая и свою жену, и Пушкина?

Со времени первого вызова на дуэль не прошло еще трех месяцев. Неблагородное поведение Дантеса, его настойчивое ухаживание, сплетни в обществе, — все это все больше раздражало Пушкина. Он дорожил репутацией своей жены и считал своим долгом оградить ее честь. В конце января (1837 г.), Пушкин вторично написал Геккерну резкое письмо, обличая поведение его приемного сына и его самого. Следствием этого письма была дуэль, которая состоялась 27 января в окрестностях Петербурга. Наталья Николаевна ничего не подозревала. Когда Пушкин со своим секундантом ехал на место встречи с Дантесом, он встретил свою жену, ехавшую в обратном направлении; она его не видела. Секундантом Пушкина был его лицейский товарищ, Данзас. Секундантом Дантеса, — французский офицер, д'Аршиак. Первым выстрелил Дантес и попал Пушкину в живот. Пушкин упал в снег, но приподнялся на локоть и, выстрелив в свою очередь, ранил Дантеса в руку. Пушкина привезли на его квартиру, на Мойку. Он страдал от раны и потерял много крови. — «Грустно тебе меня нести?» — спросил Пушкин старого своего слугу, Никиту Козлова, который нес своего барина по ступенькам крыльца. Его внесли в кабинет и положили на диван. Пушкин просил, чтобы Наталью Николаевну не пускали к нему, пока его не переоденут, не уберут запачканную кровью одежду. Когда она наконец в ужасном состоянии вошла и бросилась к своему мужу, он старался ее успокоить, ласкал и говорил: «Ты ни в чем не виновата».

Весть о дуэли и тяжелой ране Пушкина разнеслась с невероятной быстротой. Собрались друзья, не покидавшие его до самых последних минут, — Жуковский, Вяземский с женой, которая не отходила от Натальи Николаевны.

Последние дни и часы Пушкина описаны Жуковским в замечательном по силе чувства письме к Сергею Львовичу, отцу поэта. Жуковский и доктор Арендт ездили во дворец к государю Николаю Павловичу; вернувшись к Пушкину, Арендт привез ему письмо от царя. В своем письме государь прощался с ним, советовал перед смертью исполнить христианский долг, просил его не беспокоиться за жену и детей, судьбу которых он обеспечит. Пушкин взял письмо государя и сказал: «Скажите государю: жаль, что умираю, весь был бы его...».

Около Пушкина собралось несколько докторов: Арендт, Даль (24), его домашний доктор Спасский; все они старались спасти его. При достижениях хирургии и медицины XX-го века, возможно, что Пушкин был бы спасен. Но в те времена медицина не располагала современными средствами, к тому же ранение было очень тяжелое. Докторам не удалось извлечь пули, оставалось делать все возможное, чтобы облегчить страдания. Пушкин необыкновенно мужественно и терпеливо переносил страдания, стараясь не стонать. На второй день он просил вызвать священника, исповедовался и причастился св. Тайн. По свидетельству княгини Мещерской и князя Вяземского, старичок священник был глубоко взволнован и растроган предсмертной исповедью поэта. Пушкин старался вспомнить всех тех, кому он был что-либо должен. Узнав о том, что у Греча, его литературного противника, скончался сын, просил передать ему свое глубокое сочувствие. Через д-ра Арендта и Жуковского просил государя простить Данзаса, присутствовавшего в качестве секунданта при дуэли. А самого Данзаса, кото-

---

24) В. И. Даль, составитель известного словаря.

рый упомянул при нем о Геккерне, он просил не мстить за него: «Я все простил».

К утру третьей и последней ночи своей жизни, чувствуя приближение конца, Пушкин просил привести к нему детей. Их привели и принесли к нему полусонных, прямо из кроваток. Пушкин благословил каждого, клал руку на голову, потом движением руки отсылал детей. За несколько часов до смерти Пушкин позвал жену и просил ее покормить его мороженой морошкой, проглотил несколько ложечек. Наталье Николаевне казалось, что ему лучше, она вышла от него, полная надежды. А смерть приближалась. Пушкин просил Даля поднять его повыше. Когда друзья его приподняли, он сказал тихо: «Кончена жизнь..». Даль не расслышал и переспросил его: «Что кончено?» — «Жизнь кончена», повторил Пушкин ясно.

Конец наступил так тихо, что Даль не уловил его последнего вздоха. Пушкин скончался 29 января 1837 года в 2 ч. 45м. дня.

В последние дни и часы жизни поэта квартира его была переполнена людьми — знакомыми и незнакомыми, приходившими узнать о его здоровьи. Тут были и знатные, и простые люди всех сословий и званий: русский народ знал и любил Пушкина, все понимали, **что** теряет Россия с его смертью. На панихидах по нем было огромное стечение народа. На одной из первых панихид, еще на квартире, присутствовал молодой офицер, не встречавшийся с Пушкиным при жизни, но любивший и глубоко почитавший его: это был Лермонтов.

Отпевание должно было состояться 1 февраля в Исаакиевском соборе. Но по распоряжению полиции, боявшейся, повидимому, каких-то манифестаций, т. е. выражения народного возмущения, приказано было вынести тело Пушкина ночью в небольшую Конюшенную церковь, куда не могла войти и половина людей, желавших быть на похоронах. Старались не допустить на похороны молодежь, лицеистов из Царского Села, студен-

тов. Друзья Пушкина были глубоко оскорблены всеми мерами предосторожности, принятыми полицией. Тем не менее похороны были необыкновенно многолюдны. Наталья Наколаевна тяжело переживала смерть мужа. Но нельзя не отметить того, что она не была при нем в последние минуты его жизни, не была в церкви на похоронах, не поехала проводить гроб до могилы.

Пушкин давно уже выбрал и купил себе место на кладбище Святогорского монастыря, недалеко от Михайловского. Из Петербурга, опять-таки по распоряжению полиции, гроб увезли ночью. Сопровождали Пушкина до могилы только А. И. Тургенев (25), да старый, верный слуга, Никита Козлов. Несколько крестьян из Михайловского пришли на похороны своего барина; 6 февраля у стен Святогорского монастыря в тишине зимнего дня гроб Пушкина опустили в могилу.

В 1880 году в Москве состоялось открытие памятника Пушкину. На торжественном собрании было произнесено много речей, посвященных Пушкину. Говорил И. С Тургенев, пользовавшийся уже тогда огромной популярностью. Говорили и другие выдающиеся литераторы. Но самое большое впечатление произвела речь Достоевского, который в своей, можно сказать, исторической речи сказал, что значение Пушкина было не только национальное, но и **«всечеловеческое».**

---

25) А. И. Тургенев, бывший Арзамасец, сын И. П. Тургенева, члена Новиковского кружка.



ТВОРЧЕСТВО ПУШКИНА

Приступая к разбору творчества Пушкина чувствуешь невольный трепет и волнение, т. к. вступаешь в светлый мир произведений нашего самого большого поэта. Пушкин, действительно, не только величайший р у с с к и й поэт, но и один из самых больших поэтов всемирной литературы, одно из редких явлений человеческого гения.

Вот какими словами начал Достоевский свою знаменитую речь на открытии памятника Пушкину в Москве:

«Пушкин есть явление чрезвычайное и, может быть, единственное явление русского духа, сказал Гоголь. Прибавлю от себя: и пророческое. Да, в появлении его заключается для всех нас, русских, нечто бесспорно пророческое. Пушкин как раз приходит в самом начале правильного самосознания нашего, едва лишь начавшегося и зародившегося в обществе нашем после целого столетия с Петровской реформы, и появление его сильно способствует освещению темной дороги нашей новым направляющим светом. В этом-то смысле Пушкин есть пророчество и указание...» (26).

Для нас, русских, он особенно дорог тем, что он именно н а ш поэт и писатель, тем, что в нем мы ви-

26) Из речи Достоевского, произнесенной 8-го июня 1880 г. в заседании Общества Любителей Российской Словесности.

дим родные нам черты русского характера, тем, что сам он глубоко и горячо любил Россию.

Пушкин был не только поэтом «чистой поэзии», он был и «самым умным человеком в России» (27), и великим мыслителем. Проявления его мысли мы встречаем во всех его произведениях и письмах; многочисленные исследователи, «пушкиноведы» далеко еще не исчерпали этот богатый материал.

Трудно отнести Пушкина к какой-нибудь литературной школе, литературному течению или традиции. В юношеских произведениях он отдает некоторую дань классицизму, употребляя мифологические имена, названия, — но делает он это как-то насмешливо, шутливо. Нельзя назвать Пушкина романтиком, т. к. он иногда сам смеется над романтизмом, и хотя у него несомненно и есть некоторые черты романтизма, но столько же и самого подлинного реализма. Пушкин — самобытен. Мы можем считать его отцом русской национальной литературы.

РУСЛАН И ЛЮДМИЛА

Первое крупное произведение Пушкина, поэма «Руслан и Людмила», начата еще в лицее и закончена в 1820-м году. Выше было сказано, что Пушкин-лицеист, наказанный за какую-то шалость, сидя под арестом, начал писать свою поэму на стене карцера.

«Руслан и Людмила» — сказочная фантазия, в которой переплетаются элементы русских сказок, былин и самого смелого поэтического вымысла юноши Пушкина.

«Дела давно минувших дней,
Преданья старины глубокой»..

В Киеве князь Владимир Красное Солнышко пирует, празднуя свадьбу своей дочери с князем Русла-

---

27) Слова Николая I.

ном. Злодей колдун, Черномор, похищает Людмилу, и князь Владимир в отчаяньи обещает отдать ее в жены тому витязю, который первый разыщет и вернет ее отцу. Руслан и трое влюбленных в Людмилу витязей пускаются в поиски. На протяжении 6-ти песен поэт рассказывает то о Людмиле, томящейся в волшебных владениях карла-Черномора, то о фантастических приключениях 3-х витязей и главного своего героя, Руслана, который в конце концов, преодолев все препятствия, возвращает Людмилу отцу; все завершается счастливым продолжением свадебного пира.

В первом юношеском произведении Пушкина чувствуются некоторые посторонние влияния; отчасти влияние итальянского поэта, Ариосто, немецкого поэта, Виланда («Оберон»); но, пожалуй, больше всего в волшебном царстве Черномора и в самом прелестном образе Людмилы мы узнаем черты «Душеньки» Богдановича. У Жуковского Пушкин заимствовал эпизод 12-ти спящих дев, вставленный в 4-ю песнь. Но это скорее шутливая пародия, — и никак нельзя назвать это влиянием Жуковского.

Пушкин ввел в свою поэму разные элементы русских сказок: живую и мертвую воду, которой Финн оживляет Руслана, шапку-невидимку, и меч-кладенец, лежащий под мертвой головой; сама встреча Руслана с мертвой головой напоминает народную сказку о Еруслане Лазаревиче. Сказочная фантазия Пушкина богата и увлекательна. Но если он хотел создать чисто русскую, народную сказку, — это ему не удалось; несмотря на русские имена героев, несмотря на некоторые элементы русских сказок, фантастичные происшествия «Руслана и Людмилы» скорее напоминают западные сказки. Особенно ясно это видно, если сравнить «Руслана и Людмилу» со сказками, написанными Пушкиным уже в зрелом возрасте, («О рыбаке и рыбке», «О царе Салтане»), в которых в совершенстве переданы простота, реализм и простодушный тон народных сказок. Стиль народной сказки не выдержан в «Руслане и Людмиле». Так, например, Руслан, размышляющий

над полем битвы, похож больше на романтического поэта, чем на русского витязя («О, поле, поле, кто тебя усеял мертвыми костями?»).

В 1820-м г., когда первая поэма Пушкина появилась в свет, журналы наполнились рецензиями и критикой. Писатели старой школы упрекали Пушкина в том, что он выбрал недостойный сюжет для поэмы; другие критики не видели смысла в поэме. Тем критикам, которые упрекали Пушкина в отсутствии смысла, можно ответить словами самого поэта из эпилога «Руслана и Людмилы»:

«На крыльях вымысла носимый,
Ум улетал за край земной»...

В этих «крыльях вымысла», в этой свободной фантазии есть и смысл и прелесть поэмы.

Публика оценила «Руслана и Людмилу» совсем иначе, чем критики; поэму читали, ею увлекались, и она доставила Пушкину известность и первую славу; когда три года спустя он начал писать «Евгения Онегина», он уже справедливо мог обращаться к читателям, как к «друзьям Людмилы и Руслана». Вся поэма написана в шутливом, легком тоне, как забавный рассказ, который так и льется необычайно легкими стихами, каким-то прозрачным ручейком. Трудно поверить, что Пушкин много трудился над своим стихом, но по черновым тетрадям видно, что он много перечеркивал, переделывал его. Можно сказать, что «Руслан и Людмила» была школой пушкинского стиха, мастерской, в которой он работал, выковывая свой стиль

Шестая, последняя песнь начинается с прелестного отступления,напоминающего те, которых так много в «Евгении Онегине»:

«Ты мне велишь, о друг мой нежный,
На лире легкой и небрежной
Старинны были напевать...»

Мы можем только предполагать, кто этот «нежный друг», но это отступление носит личный, автобиографический характер.

К лучшим местам поэмы надо отнести пролог, в котором вымысел поэта, переплетаясь пестрым узором с русскими сказками, вводит нас в таинственный волшебный мир чудес:

«У лукоморья дуб зеленый»...

БАЙРОНИЧЕСКИЕ ПОЭМЫ

К Байроническим поэмам Пушкина относятся «Кавказский пленник», «Бахчисарайский фонтан» и «Цыганы» (28).

С произведениями Байрона (29) Пушкин познакомился во время своего путешествия в Крым и на Кавказ. Романтичность, свойственная молодому возрасту, грустные мысли и чувства, вызванные всеми переживаниями, связанными с ссылкой, способствовали тому, что на этих юношеских поэмах Пушкина отразилось влияние мрачного гения английского поэта, в сущности чуждого светлому духу Пушкинского творчества. Да и вообще «байронизм», бывший в то время в моде, в России был большей частью напускным, внешним, т. к. он был несвойствен молодой, по сравнению с Западом, культуре русского народа.

Каковы же главные черты, отличающие так называемого «байронического героя»? Это человек с сильной незаурядной личностью, разочарованный в жизни, — в достижениях культуры и цивилизации; разочарованный в людях, часто вследствии какой-нибудь личной неудачи или несчастья. Эта разочарованность рождает в нем отчужденность, чувство превосходства и часто презрение к другим людям. Сильная и гордая

---

28) Сюда же надо отнести короткую поэму "Братья Разбойники", в которой Пушкин описывает истинное происшествие — (см. письмо П. А. Вяземскому, 12-XI-1823).

29) Байрон, — знаменитый английский поэт (1788-1824) Самые известные его произведения "Чайльд-Гарольд", "Каин", "Гяур", "Дон-Жуан", "Манфред".

натура байронического героя ищет утешения или забвения в диких картинах природы, в ее стихийных проявлениях, в вихре, буре, грозе.

КАВКАЗСКИЙ ПЛЕННИК (30)

Дикая красота Кавказских гор вдохновила Пушкина, — идеальная обстановка для байронической поэмы. Военные столкновения между русскими и дикими племенами, населяющими Кавказские горы, в то время происходили постоянно. Герой поэмы, русский, попадает в плен к черкесам, которые гордятся своим пленником, проявляющим силу духа, гордость и смелость. Окованный цепями пленник томится в неволе. Молодая черкешенка влюбляется в него, потихоньку носит ему пищу и старается своей любовью вернуть его к жизни. Но русский не может ответить на ее любовь; он пережил в прошлом страдания неразделенной любви и хранит в сердце образ другой женщины. Воспользовавшись удобным моментом, ночью, черкешенка распиливает цепи пленника и дает ему возможность бежать. Он зовет ее бежать вместе с ним, но зная, что он не может ее полюбить, она отказывается, и когда он благополучно переплывает реку, бросается в воду и гибнет.

Образ пленника очерчен довольно слабо. О его прошлом мы знаем, что в молодости он

...«бурной жизнью погубил
Надежду, радость и желанье».

Разочарованный в любви, дружбе, «презренной суете мира»,

«Покинул он родной предел,
И в край далекий полетел»

— в поисках «свободы». «Страстями сердце погубя», он верил в один идеал свободы. Все это довольно не-

30) "Кавказский пленник" окончен 15-го мая, 1821 г.

ясно и туманно характеризует этого первого «байронического» героя Пушкина. Прелестен образ черкешенки, гордой красавицы, отдающей все сердце первой любви. Замечательно хороши некоторые места описаний природы и жизни горцев. Приведем оценку «Кавказского пленника, сделанную самим Пушкиным, который всегда лучше и глубже всех критиков чувствовал недостатки и качества своих произведений; в октябре (или ноябре) 1822 г. Пушкин писал своему лицейскому товарищу Горчакову: «Характер пленника неудачен. Я в нем хотел изобразить это равнодушие к жизни и к ее наслаждениям, эту преждевременную старость души, которые сделались отличительными чертами молодежи XIX века. Вообще я поэмой очень недоволен и почитаю ее гораздо ниже «Руслана» — хоть стихи в ней зрелее».

БАХЧИСАРАЙСКИЙ ФОНТАН

Во время своего пребывания в Крыму Пушкин посетил Бахчисарай, видел старинные развалины дворца татарских ханов; легенда, связанная с знаменитым «фонтаном слез», послужила сюжетом для его поэмы.

Во дворце хана Гирея томится взятая им недавно в плен польская княжна Мария, которая против своей воли покорила сердце хана; он щадит ее, надеясь дождаться ее любви; для нее он забыл свой гарем, свою любимую жену Зарему, «звезду любви, красу гарема». Страстная грузинка, Зарема, не может простить своей сопернице; прокравшись ночью в ее комнату и умоляя Марию вернуть ей любовь Гирея, Зарема грозит Марии кинжалом. Повидимому, она приводит в исполнение свою угрозу и убивает Марию, — но в ту же ночь совершается и ее страшное наказание: «немые стражи гарема» бросают Зарему «в пучину вод», топят ее. В память нежной Марии Гирей воздвигнул мраморный фонтан, названный «Фонтаном слез».

Поэма «Бахчисарайский фонтан» по содержанию богаче «Кавказского пленника» и в то же время — короче, рассказ более сжат. Немногими штрихами прекрасно очерчены два женских образа, противоположные друг другу. С одной стороны нежная невинная прелесть Марии, которая тоскует в плену и находит отраду в молитве перед ликом Божией Матери, озаренным день и ночь лампадой;

«Сам хан боится девы пленной
«Печальный возмущать покой».

Ее душевная чистота и высота внушают этот страх, это уважение «горделивому повелителю». Рядом с этим светлым образом ярко выступает фигура страстной Заремы; она была похищена татарами еще в детстве, и выросла в гареме; как все грузины, Зарема очевидно была крещена в христианской вере, но сама говорит, что она —

— «для Алкорана
«Между невольницами хана,
«Забыла веру прежних дней».

В ее душе горят страсти; любовь, ревность, ненависть терзают ее душу и толкают на преступленье.

Хан Гирей в роли «байронического героя» удался Пушкину хуже женских образов. Как-то не вяжется с образом этого дикого татарина, грозного хана, жестокого и кровожадного — роматическая тоска любви, «пламень безотрадный», заставляющий его вдали, среди битвы, забыв все кругом, застывать с поднятой саблей, бледнеть и внезапно «горючи слезы» лить «рекой».

Образы Марии и Заремы отчасти напоминают два женских образа Байрона, Медору и Гюльнару из «Корсара», но в них много и оригинального.

Несмотря на мало удавшийся образ хана, «Бахчисарайский фонтан» стоит выше «Кавказского пленника». Сжатость рассказа и сила стиха замечательны.

Описание ночи в Бахчисарае, гарем хана, свидание Заремы и Марии относятся к лучшим местам, так же как эпилог, который сам Пушкин больше всего ценил в этой поэме.

ЦЫГАНЫ

Последняя из так называемых «байронических поэм» «Цыганы», значительно выше других; в ней чувствуется уже зрелое мастерство Пушкина. «Цыганы» начаты в Одессе в 1823 г., окончены в Михайловском в 1824 г. .Одновременно Пушкин уже начал писать «Онегина», который главным образом поглощал его мысли. В письмах Пушкина, по которым очень интересно следить за его творчеством, много говорится о «Кавказском пленнике», немного о «Бахчисарайском фонтане» и всего несколько слов о «Цыганах». Это можно объяснить именно тем, что Пушкин в это время больше думал об «Онегине». Но по этим кратким заметкам в письмах мы видим, что Пушкин был доволен своей поэмой. Интересна одна фраза в письме к Жуковскому (от 20-IV-1825 г.): «Ты спрашиваешь, какая цель у «Цыганов»? вот на! Цель поэзии — поэзия»...

Во время своего пребывания в Кишиневе, Пушкин, проезжая однажды по делам службы по бессарабским степям, пристал к цыганскому табору и провел с ними несколько дней, наблюдая нравы и обычаи цыган. Этот случай из жизни Пушкина вероятно и навел его на мысль поэмы «Цыганы». К автобиографическим переживаниям поэта надо также отнести упоминание в «Цыганах» римского поэта Овидия. Эта «встреча» с Овидием в южных степях, какое-то сходство судьбы изгнанного из Рима «певца любви» с своей собственной судьбой произвели на Пушкина большое впечатление, — он перечитывал произведения Овидия, задумывался над ними и вложил в уста старого цыгана легендарный рассказ о римском поэте (31).

---

31) К этому же времени относится стихотворение "К Овидию".

Алеко, герой «Цыган», пристав к кочующему табору, проводит среди цыган целых два года. О прошлом его мы знаем только, что «его преследует закон», что он покинул цивилизованный мир, где все ему опротивело, и ищет успокоения и счастья в простой, первобытной жизни цыган, в любви черноокой Земфиры. Но через два года Земфира, наскучив требовательной любовью Алеко, изменяет ему, а Алеко, в страстном порыве ревности убивает и ее и молодого цыгана, с которым она ему изменила. Старик, отец Земфиры, не мстит за убийство дочери, но просит Алеко оставить их табор, т. к. цыгане не хотят «жить с убийцей».

В лице Алеко изображен байронический герой со всеми его характерными чертами: разочарование в обществе, в цивилизации, презрение к людям и чувство превосходства над ними; поиски счастья в первобытном мире, не тронутом культурой и цивилизацией.

Алеко говорит Земфире:

......«Когда б ты знала,
Когда бы ты воображала
Неволю душных городов!
Там люди в кучах, за оградой
Не дышат утренней прохладой,
Ни вешним запахом лугов;
Любви стыдятся, мысли гонят,
Торгуют волею своей,
Главы пред идолами клонят
И просят денег, да цепей.
Что бросил я? Измен волненье,
Предрассуждений приговор,
Толпы безумное гоненье
Или блистательный позор».

В неоконченном отрывке, не вошедшем в поэму, Алеко, обращаясь к своему сыну, ребенку Земфиры, высказывает пожелание, говоря, что сын его будет:

......«беспечен, здрав и волен,
Не будет ведать ложных нужд,
Он будет жребием доволен,
Напрасных угрызений чужд».

В этих словах высказывается идеал, к которому стремился Алеко.

Но описывая байронического героя, Пушкин в «Цыганах» и развенчивает его, показывая все его недостатки и отрицательные черты; «культ личности», типичная черта байронизма, в Алеко превращается в «безнадежный эгоизм» по словам Пушкина. Старик цыган, обращаясь к Алеко после убийства Земфиры, несколькими простыми словами, сам того не зная, дает ему исчерпывающую характеристику:

— «Оставь нас, гордый человек!»

Алеко именно горд; из-за этой гордости и себялюбия (эгоизма) он совершает двойное убийство, т. к. он свободы, «воли» ищет только для себя, для своего удовлетворения.

«Мы дики, нет у нас законов,
Мы не терзаем, не казним,
Не нужно крови нам и стонов;
Но жить с убийцей не хотим.
Ты не рожден для дикой доли;
Ты для себя лишь хочешь воли;
Ужасен нам твой будет глас:
Мы робки и добры душою,
Ты зол и смел — оставь же нас;
Прости, да будет мир с тобою».

В мирной жизни кочующих цыган Алеко не может найти покоя и счастья, т. к. причину своей вечной тоски он несет в своей гордой, себялюбивой душе. Старик цыган показывает бездну, лежащую между действительно вольным, миролюбивым цыганским племенем и глубоко эгоистичным гордым европейцем. В

любви к Земфире Алеко ищет только своего удовлетворения, своего эгоистического счастья; он любит «горестно и трудно», а Земфира — «шутя». Здесь проводится параллель между любовью европейца и действительно свободным взглядом на любовь цыган, которые не требуют и не понимают постоянства в любви. Такой взгляд в общем аморален и свойствен дикому народу.

«Я не таков», восклицает Алеко, «нет я не споря

От прав моих не откажусь,
Или хоть мщеньем наслажусь».

Человек цивилизованного мира сразу говорит о своих п р а в а х, и это в общем естественно, — но его недостаток, его испорченность ведет к тому, что нарушение его п р а в а сейчас же вызывает в нем злобу и желание мести, желание причинить зло. В данном случае старик цыган морально выше европейца — Алеко; он не мстит ему за убийство дочери, но просит «оставить» их, т. к. всякое насилие «ужасно» и противно их дикой, но действительно свободной душе.

Было уже указано, что в лице Алеко Пушкин развенчал байронического героя. Пушкин недолго оставался под чуждым влиянием Байрона, в «Цыганах» мы видим, что он осудил байронизм, перерос его и вышел на дорогу самостоятельного творчества.

«Цыганы» написаны отдельными отрывками, отдельными сценами. Иногда кажется, что не достает связи между этими отдельными частями. Это один из очень немногих недостатков поэмы. Удивительно ярко описание цыганского табора, жизни цыган. Красота, звучность и легкость стиха — замечательны.

ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН

В начале февраля 1824 г. Пушкин в письме к брату пишет, что пришлет отрывки из «Онегина» и прибавляет: «это лучшее мое произведение». Мы должны особенно прислушиваться к оценке самого Пушкина, который всегда был строгим и верным критиком своих произведений. Правда, что это письмо к брату относится к началу создания «Онегина», над которым Пушкин работал семь с половиной лет, но позднее, в другом письме он подтверждает свое мнение и думается, что он никогда его не изменил. «Евгений Онегин» начат в Кишиневе, в 1823 г. — окончен в Болдине, осенью 1830 г. В течение этого долгого срока Пушкин написал многое другое, но все возвращался к «Онегину» и, если так можно выразиться, сжился с ним.

В лице героя своего романа, Евгения Онегина, Пушкин изображает тип светского молодого человека своего времени; многие черты жизни Онегина напоминают жизнь самого Пушкина, но ни в коем случае не надо и нельзя отождествлять Онегина с Пушкиным, который совершенно отвлеченно изображает своего героя.

Онегин получил воспитание подобное многим людям высшего петербургского общества; гувернантки, гувернеры сменялись при мальчике:

«Сперва Madame за ним ходила,
Потом Monsieur ее сменил»...

Воспитание и влияние родителей вообще не упоминается, — тоже характерная черта для той эпохи. Вспомним, как еще Новиков (32), позднее Крылов (33) осуждали светских родителей, всецело поручавших воспитание своих детей иностранцам, часто недостойным людям. О матери Онегина вообще не сказано ни слова; это можно объяснить тем, что у самого Пушкина было мало отношений с матерью; Онегин, как и Пушкин, не знал настоящей материнской любви; об отце Евгения сказано в шутливом тоне, что он

«давал три бала ежегодно
И промотался наконец».

Сказано также, что он свои «земли отдавал в залог», — тоже характерная черта для обедневшего дворянства того времени. Это все указывает на тип той дворянской среды, к которой принадлежал Онегин. Евгений получил, повидимому, домашнее образование, тогда как Пушкин учился в лицее; но общие черты этого образования свойственны были вообще многим молодым людям светского общества:

«Мы все учились понемногу.
Чему-нибудь и как-нибудь»...

Поверхностное, недостаточное образование Онегина напоминает жалобы Пушкина на недостатки своего «проклятого образования», которое сам поэт уже впоследствии восполнил самостоятельными занятиями и чтением; но Онегин, по складу своего ума, не приученный систематически в детстве к интеллектуальному труду, не способен был дополнить свое образование чтением. Он не был одарен никаким особым

---

32) В журналах "Трутень" и "Живописец".

33) Басни: "Кукушка и горлинка", "Крестьянин и змея" и др.

талантом, не принадлежал, по словам Пушкина, к «задорному цеху» писателей; это был часто встречавшийся тип прекрасно воспитанного светского молодого человека.

«Он по французски совершенно
Мог изъясняться и писал,
Легко мазурку танцевал
И кланялся непринужденно».

Этого было вполне достаточно, чтобы стать членом общества, которое приняло Онегина, решив, — «что он умен и очень мил». Неужели же светское общество, высший цвет культуры в России, состояло из таких полуобразованных людей? Отнюдь нет. Вспомним, что сам Пушкин, образованнейший человек своего времени, его литературные друзья, вся та пламенная, либерально настроенная молодежь, из среды которой многие стали декабристами, принадлежали к тому же дворянскому классу, но жили не только светскими интересами, а увлекались и разными более или менее правильными течениями. Чацкий вышел из той же среды, что и Онегин. Но Чацкий тоже принужден был, путешествуя, пополнить свое образование, которое дал ему француз-гувернер.

Итак, Онегин — светский молодой человек. Описание его дня, начинающегося с того, что «он еще в постеле, ему записочки несут» и заканчивающегося на следующий день, утром, когда «шумом бала утомленный» он возвращается к себе, смена развлечений, рестораны, светские праздники, театры, балы, — все это напоминает отчасти петербургскую жизнь самого Пушкина в течение недолгого периода между выходом из лицея и ссылкой. Но Пушкин в вихре света все же писал, этого дара у Онегина не было. «Однообразная, пестрая» светская жизнь опустошила его душу вместо того,

чтобы наполнить ее. Как многие молодые люди, Онегин, по словам Пушкина, знал «тверже всех наук — науку страсти нежной». Он много ухаживал, увлекался, добивался успеха, — но настоящей любви не знал; это была скорее светская игра, своего рода спорт, который, конечно, не питал, а утомлял его душу. «Рано чувства в нем остыли», ему надоело и ухаживанье, и «друзья и дружба», и театр и вся светская бессмысленная суета. Свою «тоскующую лень» Онегин старался рассеять все же умственным трудом, т. к. он был неглуп, пытался писать, но «ничего не вышло из пера его», — читать, но ничто его не занимало.

«Отрядом книг уставил полку,
Читал, читал, а все без толку».

«Рано чувства в нем остыли», говорит Пушкин. В «примечаниях к Евгению Онегину» (34) автор поясняет: «Черта охлажденного чувства, достойная Чайльд-Гарольда» (35). Пушкин сравнивает Онегина с байроническим героем; но разве Онегин действительно «байронический герой» со всеми характерными чертами этого типа? Нет, байронизм Онегина чисто внешний, хотя и не напускной, т. к. Евгений искренно думает, что он уже не способен любить, что молодость его кончена и что ничто уже не может оживить его сердца. Впоследствии, когда Татьяна в кабинете Онегина задумывается над его характером, стараясь разгадать, кто же этот «чудак печальный и опасный», «по ком она вздыхать осуждена судьбою властной» и спрашивает себя — «Что ж он? Ужели подражанье», — «Москвич в Гарольдовом плаще»? Эти последние слова совершенно объясняют «байронизм» Онегина, чисто внешний, этот модный тогда «плащ», накинутый на плечи

34) Примечание 5-ое.
35) Чайльд-Гарольд — герой романа Байрона.

русского человека, «москвича», которому, в сущности, этот «плащ» несвойственен. «Москвичем» Пушкин называет Онегина, Петербургского жителя, именно, чтобы подчеркнуть, что он чисто русский человек, из самого сердца России. Пушкин описывает свою встречу и дружбу с Онегиным именно, когда он был в этом состоянии душевной усталости, пресыщения и мрачного разочарования:

«Мне нравились его черты,
Мечтам невольная преданность,
Неподражательная странность
И резкий охлажденный ум...»

Итак, Онегин умен? во всяком случае неглуп. Мы видим это и из его разговоров с Ленским; предметом этих разговоров была не пустая болтовня:

«Племен минувших договоры,
Плоды наук, добро и зло,
И предрассудки вековые,
И гроба тайны роковые.
Судьба и жизнь в свою чреду,
Все подвергалось их суду».

Самые серьезные предметы занимали умы молодых людей и рождали между ними споры, — каждый имел и отстаивал свое мнение.

Позднее, когда Татьяна в кабинете Онегина погружается в чтение его книг, она поражена сперва их своеобразным выбором, затем отметками, сделанными Онегиным на полях; она понимает:

«Какою мыслью, замечаньем,
Бывал Онегин поражен,
С чем молча соглашался он».

— повсюду душа и ум Онегина выражают себя:

«То кратким словом, то крестом,
То вопросительным крючком».

Все это подтверждает то, что Онегин был не глуп, имел свое собственное, личное суждение.

Приехав в деревню и сделавшись неожиданно «сельским жителем», полным хозяином «заводов, вод, лесов, земель», Онегин задумал

«порядок новый учредить».
«Ярем он барщины старинной
Оброком легким заменил,
И раб судьбу благословил».

Он облегчил положение своих крестьян, вызывая недовольство и возмущение всех соседей помещиков. Это обнаруживает, во-первых, известную доброту души Онегина, а, во-вторых, указывает на то либеральное течение, которое было свойственно всему молодому поколению того времени. Впоследствии мы еще вернемся к этому вопросу.

В душе Онегина есть несомненно черты прямого благородства. Так, например, по отношению к Татьяне он поступил несомненно благородно; получив ее письмо, он мог бы посмеяться над ней, поиграть ее доверчивой любовью: он никому ни слова об этом не сказал, даже близкому другу, Ленскому. Разговор Онегина с Татьяной в саду часто поражает и возмущает своим поучительным сухим тоном, особенно по сравнению с таким искренним, задушевным тоном письма Татьяны. Но по существу Онегин был прав: считая, что он неспособен больше любить (в чем он совершенно ошибся), неспособен к семейному счастью, он прямо это и говорит Татьяне и показывает этим свое душевное благородство, хотя высокомерный тон его

нестерпим. Почему же с Ленским он поступил так неблагородно, сперва раздразнив поэта, а потом приняв его вызов на дуэль? Тут дело обстоит гораздо сложнее; сперва, задет дурной характер Онегина, он дуется на Ленского за то, что тот завлек его на праздник, где собралось все провинциальное общество, которое Онегин с высоты светского величия глубоко презирает:

«Чудак, попав на пир огромной,
Уж был сердит»...

Он надулся и

«Поклялся Ленского взбесить
И уж порядком отомстить».

Танцуя с Ольгой, он своим ухаживанием только и хотел «взбесить» Ленского, не думая, что дело дойдет до дуэли. Когда же Ленский вызвал его, притом не лично, а через выбранного им секунданта, Зарецкого, — «старого дуэлиста», Онегин, вместо того, чтобы извиниться и помириться с Ленским, принял его вызов.

...«Евгений
«Наедине с своей душой
Был недоволен сам собой».

Он сознавал, что был неправ, когда

...«над любовью робкой, нежной
Так подшутил вечор небрежно»,

сознавал, что должен был бы «чувства обнаружить» и, попросив прощения, «обезоружить младое сердце» Ленского, которого он искренно любил. Почему же он этого не сделал?

Потому что — «в это дело
вмешался старый дуэлист;
он зол, он сплетник, он речист»...

И вот страх того, что примирение двух друзей могут истолковать невыгодно для Онегина, сказать, что он трус, страх «общественного мнения» заставляет Онегина принять вызов Ленского, перед которым он так виноват... Вспоминается Фамусов: «ч т о станет говорить княгиня Марья Алексевна?». Ложный стыд, ложное понятие светского общества: легче подставить лоб пуле и самому целить в близкого друга, чем иметь гражданское мужество признать себя виноватым и попросить прощения...

После смерти Ленского нравственное одиночество Онегина еще более увеличивается.

«Убив на поединке друга,
Дожив без цели, без трудов
До двадцати шести годов,
Томясь в бездействии досуга,
Без службы, без жены, без дел»,

Онегин —
«Ничем заняться не умел».

Теперь мы подошли к последней и окончательной трагедии жизни Онегина, его поздней, безвыходной любви к Татьяне. Почему, при первом знакомстве в деревне Татьяна не понравилась Онегину, а через несколько лет в Петербурге, когда не душа Татьяны, а только внешняя обстановка ее жизни изменилась, она произвела такое впечатление на Евгения? При последнем свидании с Онегиным Татьяна в своем монологе, этом завершительном аккорде всего романа, дает и объяснение и исчерпывающую характеристику Онегина:

— «Тогда, неправда ли, в пустыне,
Вдали от суетной молвы,
Я вам не нравилась?...

Да, именно «суетная молва», «модный дом и вечера» Татьяны, — ее знатность, богатство, близость ко двору, положение, которое она занимала в высшем свете, — все это поразило Онегина и заставило обратить внимание на «ту девочку», письмо которой он еще хранил, но на душу которой он не обратил внимания при первой встрече. В сердце Онегина была «и гордость, и прямая честь», но одновременно с этим уживались и светская суетность, и тщеславие, это «чувство мелкое», как удивительно метко определила его Татьяна. Онегина привлек ореол, создавшийся вокруг Татьяны в высшем свете, создавшийся не благодаря «модному дому» и положению в свете ее мужа, а из-за высоты и красоты ее души, внушавшей уважение и почтение всем окружавшим ее; — но только этот внешний блеск, внешний ореол заставил Онегина понять все ее внутреннее совершенство.

«Как с вашим сердцем и умом
Быть чувства мелкого рабом?»

грустно спрашивает Татьяна. Да, в сердце Онегина есть и «гордость и прямая честь», он умен, — это его природные дарования; но светское, пустое воспитание внушило ему ложный взгляд на честь, внушило те «чувства мелкие», благодаря которым внешний блеск богатства и знатности правлекают его, благодаря которым он не умеет различать и видеть истинные духовные ценности. Евгений понимает свою ошибку слишком поздно; в своем письме к уже замужней Татьяне он говорит: «Как я ошибся, как наказан!».

Погибшая жизнь Онегина таким образом является

следствием светского пустого воспитания его среды. Сам Онегин не только плод, но и жертва этого воспитания.

⁂

Рядом с Онегиным встает совершенно противоположный ему по характеру образ Ленского.

«Волна и камень, стихи и проза, лед и пламень не столь различны меж собой».

Владимир Ленский получил образование «под небом Шиллера и Гете», в Германии, где тогда еще царствовал романтизм.

«Красавец, в полном цвете лет,
Поклонник Канта и поэт.
Он из Германии туманной
Привез учености плоды,
Вольнолюбивые мечты,
Дух пылкий и довольно странный
Всегда восторженную речь
И кудри черные до плеч».

Чем же можно объяснить дружбу этих совершенно противоположных друг другу людей? Пушкин говорит, что они сделались «от делать нечего друзьями». Но надо добавить, что Онегин и Ленский оба стояли особняком среди других «господ соседственных селений», их умственные интересы были выше, предметы их разговоров были иные. Среди окружающих помещиков «один Евгений мог оценить» творческие «дары» Ленского; они сделались неразлучными друзьями.

В лице Ленского Пушкин рисует образ романтического поэта, восторженного энтузиаста, пламенного и чувствительного. С легкой иронией Пушкин говорит

о стихах Ленского, о том, **что** именно воспевал молодой поэт:

«Он пел разлуку и печаль,
И нечто, и туманну даль,
И романтические розы;
Он пел те дальные страны,
Где долго в лоно тишины
Лились его живые слезы;
Он пел поблеклый жизни цвет,
Без малого в осьмнадцать лет»...

Во всем этом чувствуется легкая насмешка Пушкина над романтизмом, из которого он сам уже вырос, но это не сатирическая насмешка, это именно легкая, ласковая ирония. Последняя элегия Ленского перед дуэлью («Куда, куда вы удалились»...) проникнута нежной поэзией романтизма, тем духом примиренности, свойственным лирике Жуковского и свойственным, главным образом, всему светлому творчеству самого Пушкина. «Все благо», пишет Ленский перед дуэлью:

«Благословен и день забот,
Благословен и тьмы приход»...

Главной темой поэзии Ленского была любовь.

«Он пел любовь, любви послушный,
И песнь его была ясна,
Как мысли девы простодушной».

В противоположность скептическому уму Онегина, Ленский восторженно верит в любовь, в счастье, в дружбу, сердце его полно светлых надежд и ждет всего хорошего от жизни. Его любовь к Ольге поэтична, чиста и нежна; он бережно охраняет невинность молодой девушки и, читая ей вслух «нравоучительный роман», пропускает, «покраснев», «две три страницы»,

считая их «вредными для сердца дев». Образ Ленского прелестен и совершенно жив. Его бурные переживания при виде ухаживания Онегина за Ольгой и воображаемой измены Ольги, отчаянье и вспыльчивость, доводящая его до вызова на дуэль близкого друга, — типичное проявление этой чистой, восторженной, пылкой души романтического юноши.

⁂

Достойна ли Ольга такой пламенной любви? Она сама не была способна на глубокую постоянную любовь, т. к. не долго оплакивала своего убитого жениха и вышла замуж за другого. Но не будем задерживаться на разборе характера Ольги, мы ничего не можем прибавить к ее живому портрету, написанному самим Пушкиным, такими легкими и слегка ироническими штрихами:

«Всегда скромна, всегда послушна,
Всегда, как утро весела,
Как жизнь поэта простодушна,
Как поцелуй любви мила,
Глаза как небо голубые
Улыбка, локоны льняные,
Движенья, голос, легкий стан,
Все в Ольге... но любой роман
Возьмите и найдете верно
Ее портрет: он очень мил;
Я прежде сам его любил,
Но надоел он мне безмерно.
Позвольте мне, читатель мой,
Заняться старшею сестрой».

⁂

Теперь мы подошли к самому главному лицу всего произведения. Образ Татьяны занимает если не центральное, то самое выдающееся место в романе. Пушкин сознается, что она его любимая героиня: — «я так люблю Татьяну милую мою!».

«Итак она звалась Татьяной.
Впервые именем таким
Страницы нежные романа
Мы своевольно освятим», говорит Пушкин.

Теперь эти слова могут вызвать недоумение и требуют пояснения. Действительно, в старину имя Татьяны встречалось скорее среди простого народа, как — Матрена, Акулина, и не употреблялось в высших кругах общества; надо думать, что именно Пушкинская Татьяна сделала это имя одним из любимых и часто употребляемых женских имен.

С самого детства Татьяна была особенной и жила своей особой жизнью среди других членов своей семьи.

«Дика, печальна, молчалива,
Как лань лесная боязлива,
Она в семье своей родной
Казалась девочкой чужой».

С самого детства в ней видна была мечтательная, вдумчивая, глубокая душа.

«Задумчивость, ее подруга
От самых колыбельных дней,
Теченье сельского досуга
Мечтами украшала ей».

Детские проказы ей были «чужды»; она не играла в куклы, не любила шумных игр, беготни; «страш-

ные рассказы» няни «зимою, в темноте ночей пленяли больше сердце ей». Еще маленькой девочкой она...

...«часто целый день одна
сидела молча у окна».

Она любила рано вставать и на балконе встречать восход солнца. Все это свидетельствует о сильной внутренней жизни, богатой мечтами и воображением. Сказки и «страшные рассказы» няни еще больше развили в Татьяне эту склонность к фантастической мечтательности; сон, который она видела накануне своих именин, уже взрослой девушкой, полон фантастическим элементом русских сказок.

В лице няни Татьяны Пушкин изобразил свою собственную няню, Арину Родионовну, которую он так нежно любил, и от которой сам узнал столько русских сказок. Нянины рассказы познакомили Татьяну с преданиями простонародной старины, породили в ней даже некоторое суеверие. Она верила —

...«И снам, и карточным гаданьям
И предсказаниям луны.
Ее тревожили приметы,
Таинственно ей все предметы
Провозглашали что-нибудь
Предчувствия теснили грудь».

Родители не могли оказать особого влияния на развитие души Татьяны:

«Отец ее был добрый малый,
В прошедшем веке запоздалый».

Предоставив всецело хозяйство жене, он сам — «в халате ел и пил», т. е. спокойно и лениво отдавался

приятной деревенской жизни. Не вникая в воспитание Татьяны, в ее вкусы, выбор чтения,

«Он не заботился о том,
Какой у дочки тайный том
Дремал до утра под подушкой».

Мать Татьяны, — простая, «но добрая старушка», по определению Онегина, — в молодости была сентиментальной девицей, — в старости стала заботливой хозяйкой;

«сама — езжала по работам,
Солила на зиму грибы,
Вела расходы, брила лбы,
Ходила в баню по субботам»,

и среди этих хозяйственных хлопот, конечно, мало занималась воспитанием души Татьяны, которая росла и развивалась совершенно самостоятельно. С внешней стороны, Татьяна была, очевидно, воспитана как и другие девушки ее среды. У нее, вероятно, были гувернантки-иностранки, читала и говорила она больше по-французски, как это полагалось в то время в дворянской среде.

«Она по-русски плохо знала,
Журналов наших не читала
И выражалася с трудом,
На языке своем родном».

Молодой девушкой Татьяна читала, конечно, главным образом французскую и английскую романтическую литературу,

«Ей рано нравились романы;
Они ей заменяли все;
Она влюблялася в обманы
И Ричардсона и Руссо».

«Обманы», — т. е. романтическая фикция жизни. Сквозь эту романтическую призму Татьяна видит жизнь, не зная ее на самом деле; воображая себя героиней своих любимых романов, она увлекается их «живым очарованьем», — «пьет обольстительный обман». Ничто и никто в окружающей ее среде не может удовлетворить ее мечтательного воображения. Провинциальная среда соседей-помещиков, их прозаические разговоры и интересы были ей чужды. Душа ее ждала чего-то необыкновенного, какого-то героя, непохожего на всех, кого она знала. И вот в соседстве появляется новый помещик. Ленский, жених Ольги, вероятно рассказывал у Лариных о своем новом друге, приехавшем из Петербурга, — этом оригинальном «сумасброде», успевшем против себя настроить всех соседей своим чудачеством. Когда Евгений первый раз появился у Лариных, Татьяна уже знала о нем, знала что он «не как все»; мечтательная ее фантазия, очевидно, окружила Онегина воображаемым ореолом. А главное, —

— «Давно ее воображенье,
Сгорая негой и тоской,
Алкало пищи роковой;
Давно сердечное томленье
Теснило ей младую грудь,
Душа ждала... кого-нибудь».

Многоточие, поставленное Пушкиным, особенно ясно показывает, что любовь, с такой силой вспыхнувшая в сердце Татьяны, была именно плодом ее девических мечтаний, романтического воображения, — молодой жаждой любви. Она сказала себе: «это он», не зная, что за человек Онегин на самом деле. Любовь охватила и сердце и ум, — все существо Татьяны, любовь на всю жизнь — признак глубокой, чистой и цельной натуры. Доверчиво и просто она отдается чувству любви. Ее письмо к Онегину свидетельствует

именно о доверчивости и наивности ее чувства: только этим и совершенной чистотой можно объяснить и оправдать этот довольно смелый и необычный для молодой девушки поступок — письмо к молодому человеку, которого она всего один раз видела. В письме Татьяны мы видим искренность и простоту, а также глубину и силу чувства, но отчасти оно также, конечно, навеяно чтением французских романов. Из этого же письма мы узнаем, что Татьяна религиозна, — она «молитвой услаждает тоску волнуемой души»; она принимает в свое сердце Онегина, как посланного ей свыше: «я знаю, ты мне послан Богом». Все лучшие чувства и движения души ее связаны с Онегиным: «ты говорил со мной в тиши, когда я бедным помогала».

После страшного урока, данного ей Онегиным, после смерти Ленского и свадьбы Ольги, после всех этих переживаний, потрясших ее душу, Татьяна в полном одиночестве, среди тишины и красоты окружающей ее природы, много думает и постепенно внутренно созревает. Умом она несомненно стоит выше Онегина. Очутившись одна в его кабинете, читая его книги, и обращая внимание на заметки Онегина, она разгадывает его душу и наконец понимает того, по ком она вздыхать «осуждена судьбою властной». Не всякий способен на такой тонкий психологический анализ. Книги Онегина — произведения Байрона и новые тогда романы,

«В которых отразился век,
И современный человек» —

«С его безнравственной душой,
Себялюбивой и сухой» —

открыли «новый мир» Татьяне. Разгадав Онегина, поняв, что он не таков, каким она его себе воображала, она все равно не может разлюбить его, не может выр-

вать из души дорогого ей образа. Жизнь теряет для нее всякую прелесть, всякий смысл. Уезжая по желанию матери в Москву, Татьяна отрывается от всего, что ей дорого. «Русскою душою, сама не зная почему» Татьяна привязана к русской природе, к тишине деревни, где ничто не мешает ей мечтать и думать.

«Она, как с давними друзьями
С своими рощами, лугами»

прощается, и сердце ее сжимается от страха:

«Куда, зачем стремлюся я?
Что мне сулит судьба моя?»

Среди суеты и пустоты московской жизни еще ярче выделяется ее духовный образ. Молодые девушки, знакомясь с Татьяной —

«Ее находят что-то странной,
Провинциальной и жеманной
И что-то бледной и худой,
А впрочем очень недурной».

Но не провинциальность отличает Татьяну от этих «младых граций» Москвы, а совершенно другой взгляд на жизнь, другие интересы, глубина и серьезность ее души. Среди московского общества

«Татьяна вслушаться желает
В беседы, в общий разговор;
Но всех в гостиной занимает
Такой бессвязный, пошлый вздор,
Все в них так бледно, равнодушно»,

что ничто не может тронуть или заинтересовать ее. Татьяна

— «точно как во сне,
Их речи слышит без участья,
Не понимает ничего».

Она привыкла много думать в одиночестве, а здесь, в этом пестром обществе — «не вспыхнет мысли в целы сутки».

И вот среди этой бестолковой светской суеты, среди «расспросов, сплетен и вестей» решается ее судьба.

Как могла Татьяна выйти замуж, любя другого? Эта страшная ошибка еще яснее показывает, что не идеальный отвлеченный образ изображает Пушкин в лице Татьяны, а живую женскую душу с ее любовью, слабостями и ошибками. Впоследствии Татьяна объясняет Онегину свой поступок:

«Меня с слезами заклинаний
Молила мать; для бедной Тани
Все были жребии равны...
Я вышла замуж»...

В Петербурге внешняя жизнь Татьяны совершенно переменилась. Вместо деревенской тишины, скромной и уединенной жизни она, благодаря положению и заслугам своего мужа, окружена роскошью, блеском светской жизни. «Модный дом и вечера», приемы, балы, близость к придворным кругам. Изменило ли все это ее душу? Внешне — перемена произошла большая; Онегин не сразу узнает Татьяну, встретив ее через несколько лет после знакомства в деревне.

«Как изменилася Татьяна,
Как твердо в роль свою вошла,
Как утеснительного сана
Приемы скоро приняла!»

В этой «величавой и небрежной» княгине, «законодательнице зал», Онегин ищет и не может найти черты той скромной девочки, которой он когда-то читал нравоучение в саду.

Татьяна окружена не только роскошью и блеском светской жизни, она окружена и всеобщим уважением:

«К ней дамы подвигались ближе,
Старушки улыбались ей;
Мужчины кланялися ниже,
Ловили взор ее очей;
Девицы проходили тише»...

Это всеобщее уважение Татьяна заслужила своим умением держать себя в свете просто, благородно, сохраняя свой духовный облик, свое достоинство. Во всех ее поступках и словах сквозит и проявляется внутренняя красота ее души. Она исполяет свой долг, несет все обязанности жены важного сановника, который любит ее и гордится ею. Изменилась ли также Татьяна внутренно? Внешняя дисциплина в ее поведении, движениях и словах при встрече с Онегиным являются результатом силы воли и внутренней выдержки. Внутренно «неприступная княгиня» осталась все той же прежней «бедной Таней»; ее вкусы, привязанности, весь строй ее души не изменились. С необыкновенной силой воли она отстраняет Онегина, которого продолжает любить; отстраняет, потому что святость брака, верность данному слову для нее выше личного счастья, выше счастья любимого человека; выходя замуж, она дала обещание, дала его на всю жизнь:

— «Я другому отдана;
Я буду век ему верна»...

Татьяна созрела духовно совершенно **самостоятельно;** без всякого постороннего влияния созрела и возмужала ее душа, удивительная по своей цельности, благородству, силе воли и красоте. При последней встрече с Онегиным вся душа ее открывается перед нами:

«А мне, Онегин, пышность эта,
Постылой жизни мишура,

Мои успехи в вихре света,
Мой модный дом и вечера,
Что в них? Сейчас отдать я рада
Всю эту ветошь маскарада,
Весь этот блеск, и шум, и чад
За полку книг, за дикий сад,
За наше бедное жилище,
За те места, где в первый раз,
Онегин, видела я вас,
Да за смиренное кладбище,
Где нынче крест и тень ветвей
Над бедной нянею моей...»

В этих изумительных по своей простоте и красоте словах открывается весь духовный мир Татьяны, открывается вся глубина этой чистой, цельной натуры. Она живет «в вихре света», среди пышности и блеска, но сокровище ее души, — «полка книг», «дикий сад» — все то же сокровище прежней Татьяны, задумчивой мечтательницы.

⁂

«Евгений Онегин» не только психологический, но и **бытовой** роман; в нем главным образом изображена жизнь дворянского класса провинциальных, московских и петербургских кругов. Больной в то время вопрос крепостного права, положения крестьян, — затронут только слегка; но по нескольким словам, сказанным по этому поводу, мы ясно видим отношение Пушкина к этому вопросу. Выше было уже сказано, что Онегин, приехав в деревню и вступив во владение имением, заменил «оброком легким» «ярем» старинной барщины (36) — «и раб судьбу благословил».

---

36) Барщина: работа крестьян на земле помещика, в уплату за право обрабатывать кусок земли в свою пользу. Оброк: плата деньгами или продуктами, которую крестьяне вносили по соглашению с помещиком за право пользования землей.

«Зато в углу своем надулся,
Увидя в этом страшный вред,
Его расчетливый сосед».

«Сосед», представитель помещиков — крепостников, понятно недоволен: поступок Онегина противоречит его взглядам и может оказать дурное, по его мнению, влияние на его крестьян. Но «раб судьбу благословил»: новый порядок, учрежденный Онегиным, значительно облегчил положение его крестьян.

Второй раз Пушкин касается этого вопроса, перечисляя занятия Лариной, матери Татьяны, которая самовластно вела свое хозяйство:

Она — «вела расходы, **брила лбы,**
Служанок была осердясь —
Все это мужа не спросясь».

Выражение «забрить лоб» кому-нибудь, значило — отдать в солдаты. Ларина сама выбирала рекрутов среди своих крестьян, руководствуясь, вероятно, собственными соображениями.

Третий намек на положение крестьян встречается среди перечисления гостей-соседей, собравшихся на именины Татьяны:

«Гвоздин, хозяин превосходный,
Владелец нищих мужиков».

Вся ирония заключена в словах — «хозяин превосходный», сочувствие и жалость к крестьянам в определении — «нищие мужики». Читателю предоставляется самому себе представить, каким образом Гвоздин ведет свое «превосходное хозяйство».

⁂

Провинциальная среда помещиков удивительно красочно и остроумно изображена в «Евгении Онегине». В разговоре с Ленским Онегин иронически говорит о Лариных:

«Отселе вижу, что такое:
Во-первых — слушай, прав ли я?
Простая русская семья,
К гостям усердие большое,
Варенье, вечный разговор
Про дождь, про лен, про скотный двор».

Здесь сразу намечены главные черты обычной помещичьей семьи: простота, гостеприимство и ограниченность интересов.

Описывая именины Татьяны, Пушкин особенно хорошо изображает большой прием гостей у Лариных, съезд помещиков со всей округи.

«С утра дом Лариных гостями
Весь полон».

Помещики приезжают «целыми семьями», «с детьми всех возрастов, считая от тридцати до двух годов».

«В передней толкотня, тревога;
В гостиной встреча новых лиц,
Лай мосек, чмоканье девиц,
Шум, хохот, давка у порога,
Поклоны, шарканье гостей,
Кормилиц крик и плач детей».

Праздничный обед с тостами и поздравлениями, в гостиной ломберные столы для любителей виста и бостона, а вечером бал под звуки полковой музыки: вальс, котильон, мазурка с провинциальными традициями «припрыжек, каблуков, усов». Пестрая картина типич-

ного деревенского приема завершается описанием ночлега. Гости, приехавшие издалека, остаются ночевать, им

«постели стелют,
Ночлег отводят от сеней
До самой девичьей».

Спят в гостиной, в столовой, на диванах, стульях, на полу; «девицы в комнатах Татьяны и Ольги все объяты сном».

Также ярко описывает Пушкин переезд помещиков из деревни в город, — отъезд Лариных в Москву. Сборы бесконечные, «домашние пожитки», прощанье со слугами, возок, в который впрягают простых деревенских лошадей, («осьмнадцать кляч»), бородатый форейтор...

Провинциальный быт описан со всеми патриархальными чертами простой деревенской жизни, гостеприимством, радушием и уютом прошлого века.

Московское общество уже во многом отличается от провинциального. Пушкин, хотя и жил главным образом в Петербурге, но говорит о Москве с той горячей любовью, с какою относятся к ней все истинно русские люди:

«Москва... как много в этом звуке
Для сердца русского слилось!
Как много в нем отозвалось!»

Ларина везет Татьяну в Москву «на ярманку (37) невест» и она сразу попадает в пеструю сутолоку «родственных обедов», тетушек, визитов, балов. Иронически изображая московское общество, которое из года

---

37) Провинциальное произношение слова — ярмарка.

в год не меняется, живет все теми же интересами, Пушкин говорит, что

«В них не видно перемены,
Все в них на старый образец:
У тетушки княжны Елены
Все тот же тюлевый чепец;
Все белится Лукерья Львовна,
Все то же лжет Любовь Петровна,
Иван Петрович так же глуп,
Семен Петрович так же скуп,
У Пелагеи Николавны
Все тот же друг, мосье Финмуш,
И тот же шпиц, и тот же муж,
А он все клуба член исправный,
Все так же смирен, так же глух,
И так же ест и пьет за двух».

В деревне, в провинциальном обществе разговоры велись всегда на те же хозяйственные и домашние темы: «вечный разговор

О сенокосе, о вине
О псарне, о своей родне».

Здесь интересы сводятся к туалетам, сплетням, обедам, клубу, — но то же радушие, гостеприимство, какой-то семейный уют в более широком масштабе.

Совсем незадолго до Пушкина Грибоедов описал то же московское общество, ту же среду. Действительно, Татьяна могла бы встретиться на балу и с Софьей, и со Скалозубом, и с бесчисленными княжнами; Фамусов и старуха Хлестакова могли бы быть знакомыми или родственниками княжны Алины. Но какая разница в описании того же общества, которое мы видим сквозь призму двух писателей! Личность их отразилась в той же картине: в «Горе от ума» все время чувству-

ется сарказм, желчная горечь Грибоедова; более мягкая ирония Пушкина окрашена поэзией, добродушной насмешкой. Но суета, пестрота, сутолока, ничтожность и пошлость интересов все те же, и Пушкин явно осуждает и презирает эту бесплодную светскую суету, где:

«Не вспыхнет мысли в целы сутки,
Хоть невзначай, хоть наобум;
Не улыбнется томный ум,
Не дрогнет сердце, хоть для шутки.
И даже глупости смешной
В тебе не встретишь, свет пустой!»

Это последнее восклицание вырывается у Пушкина, как возмущенный крик души.

Интересно сравнить описание провинциальных танцев на именинах у Татьяны с балом в Московском Дворянском Собрании (38).

«Ее (Татьяну) привозят и в Собранье.
Там теснота, волненье, жар.
Музыки грохот, свеч блистанье,
Мельканье, вихорь быстрых пар;
Красавиц легкие уборы,
Людьми пестреющие хоры,
Невест обширный полукруг,
Все чувства поражает вдруг.
Здесь кажут франты записные
Свое нахальство, свой жилет
И невнимательный лорнет.
Сюда гусары отпускные
Спешат явиться, прогреметь,
Блеснуть, пленить и улететь».

---

38) В зале Московского Дворянского Собрания до революции происходили дворянские собрания, выборы, балы, концерты. В Советской России дом этот называется "Дом Советов"; в той же самой зале с мраморными колоннами происходят официальные коммунистические собрания.

По сравнению с Петербургом Москва описана, как **провинциальная русская столица,** если так можно выразиться; Петербург — **европейская столица,** где во всем чувствуется близость Двора, где вся жизнь носит строгий, чинный, скорее европейский характер. Пушкин приводит свою Музу на светский раут в Петербурге:

«Сквозь тесный ряд аристократов,
Военных франтов, дипломатов
И гордых дам она скользит;
Вот села тихо и глядит,
Любуясь шумной теснотой,
Мельканьем платьев и речей,
Явленьем медленных гостей
Перед хозяйкой молодою,
И темной рамою мужчин
Вкруг дам, как около картин».

Какая разница с Москвой! Особенно поражает чинность и стройность нарисованной картины. Какой контраст этого «тесного ряда» высокопоставленных лиц, аристократов, «гордых дам», дипломатов, — своих и иностранных, — этого прилично-сдержанного явления «медленных гостей», с описанием Московского Собрания! Там — «шум, хохот, беготня, поклоны»... Здесь в Петербурге это было бы невозможно среди стройного порядка, «олигархических бесед».

В гостиной у Татьяны собирается «цвет столицы, и знать, и моды образцы»; здесь разговор ведется «без глупого жеманства» и среди «легкого вздора» слышится иногда и «разумный толк, без пошлых тем». Пошлость и вульгарность в высшем свете не допускаются, здесь царствует «le comme il faut», выражение, которое сам Пушкин любит и употребляет, не переводя на русский язык. Зато в Петербурге нет московской простоты, радушия, уюта и широкого гостеприимства.

⁂

Уже было сказано, что Пушкин писал «Евгения Онегина» семь с половиной лет, начал в Одессе в 1823 г. и окончил в Болдине в 1830 г.

Из Одессы Пушкин писал своему другу Дельвигу (11-го ноября 1823 г.): «Пишу теперь новую поэму, в которой забалтываюсь донельзя». Этим «забалтываньем» поэт называет отступления от самого сюжета, в которых он на протяжении всего романа высказывает свои мысли, чувства, или автобиографические переживания. «Евгений Онегин» более семи лет был верным другом, спутником Пушкина, служил ему как бы дневником. Эти отступления то лирического, то философского характера нисколько не портят цельности произведения и некоторые из них совершенно замечательны по глубине и тонкости выраженных в них мыслей, но сам Пушкин, становясь старше, старался избегать их и в 5-й главе пишет:

«Пора мне сделаться умней,
В делах и в слоге поправляться,
И эту пятую тетрадь
От отступлений очищать».

По черновым тетрадям мы видим, как Пушкин работал над своим романом, сколько он перечеркивал, переставлял, менял, добиваясь совершенства. «Онегин» написан ямбом; в каждой строфе 14 строчек с довольно сложным чередованием рифм: в первых четырех строчках рифма через строчку; потом рифмуют две и две строчки; затем следуют четыре строчки, из которых 1-я рифмует с 4-й, — 2-ая с 3-й — и последние две строчки опять в рифму. При чтении это довольно сложное построение просто не замечается, т. к. Пушкин действительно добился совершенства, его стихи так и льются. Читатель сразу захвачен и содержанием и красотой стиха; изложение рассказа, мыслей и чувств, облекаясь в прекрасную форму, сливается с ней, составляет одно

целое. В конце романа Пушкин говорит, что для него это был «живой и постоянный, хоть малый труд». Не говоря о радости вдохновения и творчества, можно удивляться, что эту огромную работу отделки, работу тщательную и упорную, Пушкин называет «малым трудом»; таков он очевидно и был для него.

«Евгений Онегин» разделен на 8 глав. Сперва Пушкин предполагал в 8-й главе описать путешествие Онегина; но затем автор решил выпустить эту главу по причинам важным для него и напечатал «Отрывки из путешествия Онегина» отдельно, для чего ему пришлось «пожертвовать одною из окончательных строф»:

«Пора: перо покоя просит;
Я девять песен написал;
На берег радостный выносит
Мою ладью девятый вал» (39)

«Евгений Онегин» был начат, когда Пушкину было 24 года. Первая и вторая главы написаны в веселом, шутливом тоне, чувствуется молодость автора. С каждой главой и тон и содержание становятся серьезнее. В конце 6-й главы Пушкин прощается со своей юностью и благодарит за все ее дары:

«Так, полдень мой настал, и нужно
Мне в том сознаться, вижу я.
Но, так и быть, простимся дружно,
О, юность легкая моя!»

Задумав свой роман еще совсем молодым, Пушкин еще не знал, как он его окончит, и говорит, что начиная писать:

«Даль свободного романа
Я сквозь магический кристалл
Еще не ясно различал».

---

39) См. заметку Пушкина к отрывкам и Путешествия.

По черновым записям видно, что у Пушкина были задуманы разные варианты, изменявшие судьбу его героев. Вероятно, начиная таким веселым тоном свой роман, молодой поэт не предполагал, что он кончится так печально. Действительно, судьба трех главных действующих лиц романа оканчивается трагично: Ленский во цвете лет погибает от руки Евгения; жизнь самого Онегина бессмысленно и безвозвратно сломана; Татьяна, отстраняя от себя Онегина, навсегда отказывается от личного счастья; но ее самоотречение озарено светом исполненного долга.

Да и на всем произведении лежит отпечаток света, отпечаток высокой, светлой души Пушкина.

ПОЛТАВА

Полтава написана в 1828 г. в Петербурге. Это единственная крупная поэма, написанная за этот период жизни Пушкина, после окончания ссылки и до женитьбы. Полтава написана за три недели; по черновым тетрадям поэта мы видим, как он работал над ней. Пушкин жил в гостинице; комната его была усеяна бумагами, клочками бумажек, на которых он по своему обыкновению торопливо записывал приходившие ему в голову мысли, строчки, стихи; потом приводил все это в порядок, отделывал, работал упорно, добиваясь совершенства. Черновые наброски его перечеркнуты, перемараны, переделаны несколько раз. Трудно поверить, что легкий музыкальный стих Полтавы потребовал стольких трудов. Вдохновение нахлынуло на Пушкина, и писал он, что называется, запоем, днем и даже ночью; стихи снились ему; иногда, просыпаясь среди ночи, он вскакивал и записывал приснившееся. По черновым тетрадям мы видим, что первая песня (500 строк) окончена 3-го октября; вторая (580 строк) — 9-го октября; третья (482 строки) — 16-го октября.

Если сравнить Полтаву с первыми поэмами Пушкина, видно, как возмужал, окреп и созрел его талант. На всем произведении лежит отпечаток какой-то мужественности и силы. Исторические подробности приведены с необычайной точностью и еще объяснены самим автором в примечаниях.

Сюжет Полтавы пришел в голову Пушкину по прочтении одной из «Дум» Рылеева (40), «Войнаровский» (41). Пушкина поразила трагическая судьба дочери Кочубея, крестницы Мазепы, погубленной им. В действительности ее звали Матреной; Пушкин дал ей более поэтическое имя Марии. Не сказывается ли в этом память Марии Раевской? Посвящение к Полтаве несомненно обращено к ней:

«Тебе — но голос музы темной
Коснется ль слуха твоего?»

Мария Волконская, рожденная Раевская, в то время, как Пушкин писал эти строки, была уже далеко, уехав вслед за мужем в ссылку. Думается, что именно к ней относятся слова:

«Твоя печальная пустыня,
Последний звук твоих речей
Одно сокровище, святыня,
Одна любовь души моей».

Итак, первый образ, вдохновивший Пушкина, был романтический образ дочери Кочубея. Полтава и начинается с описания Марии и сватовства Мазепы. Описывая развертывающиеся события, проникаясь духом и атмосферой той эпохи, Пушкин, видимо, был увлечен и поражен величием и значительностью исторического момента. Мария Кочубей постепенно отходит на второй план, и перед нами вырастает огромная фигура царя Петра, героя Полтавской битвы. Рядом с Петром встает мрачная фигура Мазепы. Некоторые критики упрекали Пушкина в том, что в Полтаве как бы два героя:

---

40) Кондратий Рылеев, поэт, декабрист, казненный в числе пяти главных зачинщиков бунта в 1826 г.

41) Войнаровский — племянник и сподвижник Мазепы. Упоминается в “Полтаве” один раз: — “У Войнаровского в руках мушкетный ствол еще дымился”.

Петр и Мазепа. Но можно сказать, что оба героя объединены одним историческим моментом, — в этом и есть единство поэмы; Полтавская битва, — «Полтава», является как бы главным «героем» всего произведения.

Пушкин сознательно сопоставляет две совершенно противоположные величины, Петра и Мазепу, выделяя и оттеняя один образ другим. Мазепа — начало личное, эгоистическое; Петр — начало государственное, общественное. Все, что делает Мазепа, служит его личным целям, хотя он и говорит, что работает для Украины; на самом деле, он думает только о собственном величии. Все действия Петра, напротив, направлены только к одной цели: ко благу России; о себе Петр вообще не думает, личность не имеет места в его замыслах и действиях.

Мазепа изображен мрачными, сгущенными красками; это совершенно отрицательная личность, без единой светлой черты. Кто «проникает в бездну роковую души коварной?» спрашивает Пушкин. Действительно, трудно вообразить именно эту «бездну» зла в одном человеке! Мазепа коварен и лицемерен; с необычайным умом и ловкостью он умеет привлекать к себе сердца, доверие людей, лживо подделываясь к каждому собеседнику. Он мстителен и мелочен: не может забыть и простить Петру давней личной обиды. Много лет тому назад во время Азовского похода, пируя ночью с своими генералами, царь, вспыхнув от какого-то «смелого слова», сказанного Мазепой, уронил чашу и с угрозой схватил его за усы. Забыть этого оскорбления Мазепа не может; тогда же он дал себе клятву отомстить свою обиду, отомстить царю за его вспышку гнева. «Давно

горю стесненной злобой», признается он Орлику, — «Давно решилась непреложно моя судьба», — а с нею и судьба Украины, которую он ставит на карту своей изменой. Мазепа совершенно беспринципен; это доказывает его поступок с Марией, его крестницей, обольщенной и погубленной им. Даже люобвь его к ней — любовь чисто эгоистическая, личная; он жестоко терзает сердце Марии, заставляя ее сказать, кого она больше любит, отца или его, Мазепу. Жалость к погубленной им девушке все же шевелится в его душе накануне казни Кочубея; но ни любовь, ни жалость не могут заставить его отменить казни Марииного отца, который является его личным врагом, препятствующим его честолюбивым целям. Жестоко и совершенно бесстыдно Мазепа требовал и добился казни своего бывшего друга, Кочубея, донесшего на него царю.

Сгущая все больше и больше краски, рисующие портрет Мазепы, в конце всего сказанного о нем, Пушкин с нарастающей силой перечисляет все злые свойства его души:

«Немногим, может быть известно,
Что дух его неукротим,
Что рад и честно и бесчестно
Вредить он недругам своим», —
«Что он не ведает святыни,
Что он не помнит благостыни,
Что он не любит ничего,
Что кровь готов он лить, как воду,
Что прозирает он свободу,
Что нет отчизны для него».

Когда ночью, накануне казни Кочубея, Мазепа из комнаты, где в мирном неведении спит бедная Мария, сходит в сад и

«Вдруг... слабый крик... невнятный стон
Как бы из замка слышит он»,

напряженные нервы его не выдерживают, из груди его вырывается дикий крик. Что это? Не совесть ли зашевелилась в темной душе гетмана? Пушкин говорит об угрызениях совести Мазепы; но если они и были, они не довели его до раскаяния.

Уже было сказано выше, что в отличие от Мазепы образ Петра воплощает в себе начало государственное, как бы всю мощь и силу России. «Самодержавный великан», говорит про него Мазепа Орлику. Петр Великий — один из любимых исторических героев Пушкина; чувствуется, что поэт восхищается, любуется им. Петр появляется только в третьей песне, во время самого Полтавского боя. Необычайной силой дышат строки,посвященные ему. Мы слышим восторженные приветственные клики войска:

«И се — равнину оглашая,
Далече грянуло У Р А:
Полки увидели Петра».

Пушкин как бы сам испытывает этот восторг, охвативший всех очевидцев Полтавской битвы. Гордясь Петром, поэт описывает его, как гения войны, гения военной славы, победы:

«И он промчался пред полками
Могущ и радостен как бой,
Он поле пожирал очами»...

Уже здесь, хотя бой еще не окончен, чувствуется, что Петр победитель. Он не может не быть победителем! Когда же он действительно одержал победу, огромную по своему историческому, государственному и моральному значению, в его торжестве нет ни тени мстительной злобы.

. . . . . .«горд и ясен
«И славы полон взор его».

Радостно и великодушно —

«В шатре своем он угощает
Своих вождей, вождей чужих,
И славных пленников ласкает,
И за учителей своих
Заздравный кубок поднимает».

(В историческом примечании к этим строкам в скобках вставлено замечание Пушкина: «было о чем радоваться»...)

В описании Петра Пушкин пользуется небыкновенно удачным художественным приемом, употребляя короткие, отрывочные фразы, в два-три слова, разделенные точками; это создает впечатление живости, сжатости и силы облика «самодержавного великана»:

«Тогда-то свыше вдохновенный
раздался звучный глас Петра:
«За дело, с Богом!» Из шатра,
Толпой любимцев окруженный,
Выходит Петр. Его глаза
Сияют. Лик его ужасен.
Движенья быстры. Он прекрасен.
Он весь, как Божия гроза.
Идет. Ему коня подводят.
Ретив и смирен верный конь.
Почуя роковой огонь,
Дрожит. Глазами косо водит
И мчится в прахе боевом,
Гордясь могучим седоком».

Интересно сравнить этот прием описания Петра, в котором в 14-ти строках — 12 точек, с описанием раненого Карла, в котором на пяти строчках нет ни одной точки:

«И перед синими рядами
Своих воинственных дружин,
Несомый верными слугами,
В качалке, бледен, недвижим,
Страдая раной, Карл явился».

Эта длинная, как бы растянутая фраза, разделенная одними запятыми, передает слабость раненого короля, его смущение, предвещающие поражение:

«Вдруг слабым манием руки
На русских двинул он полки».

Подобных художественных приемов в Полтаве много. Одно из самых красивых и известных мест — описание украинской ночи:

«Тиха Украинская ночь.
Прозрачно небо, Звезды блещут.
Своей дремоты превозмочь
Не хочет воздух. Чуть трепещут
Сребристых тополей листы.
Луна спокойно с высоты
Над Белой Церковью сияет
И пышных гетманов сады
И старый замок озаряет.
И тихо, тихо все кругом».

Это дивное описание ночи повторяется, когда Мазепа, не находя покоя от «угрызений змеиной совести своей», «тихо пробираясь, в уединенный сходит сад». Перед нами та же прозрачная ночь, звезды, дремлющий воздух, трепет серебристых листов тополей. Но вся эта

красота, мир, тишина получает другое значение в глазах Мазепы; сквозь призму преступной души видно, как вся картина меняется:

.....«звезды ночи,
«Как обвинительные очи
За ним насмешливо глядят».

Тихий шелест тополей приобретает другой смысл: Мазепе кажется, что —

.....«тополи, стеснившись в ряд,
Качая тихо головою,
Как судьи шепчут меж собою».

Ночная дремота теплого воздуха ему невыносима:

«И летней, теплой ночи тьма
Душна, как черная тюрьма».

Другое, поразительно художественное в своей сжатости и страшном реализме место, — описание казни Кочубея и Искры.

В стихах, описывающих сам Полтавский бой, сочетание звуков, беспрестанно повторяющиеся «р», «с», «з», «ш», создают впечатление шума и грохота поля битвы, создают ярко, реально; действительно кажется, что: ...«смерть и ад со всех сторон».

В Полтаве есть два места, на которых отразилось влияние народной поэзии. Это, во-первых, как-бы вставленное в поэму стихотворение, начинающееся со слов:

«Кто при звездах и при луне
Так поздно едет на коне?»

Этот прием вопросов и ответов, напоминает народные песни, так же, как частые повторения:

«Казак на север держит путь,
Казак не хочет отдохнуть
Ни в чистом поле, ни в дубраве,
Ни при опасной переправе».

Второе место, напоминающее народную поэзию, это «три клада», символический ответ Кочубея Орлику во время допроса.

Оканчивает Пушкин Полтаву эпилогом, в котором он, на расстоянии ста лет, как бы обозревает все совершившиеся в истории события и подводит итоги.

«. . . . . .— и что ж осталось
«От сильных, гордых сих мужей?»

О прежде непобедимом шведском короле напоминают только

«Три углубленные в земле
И мхом поросшие ступени»,

напоминают о его последней героической, безумно отважной схватке с турками.

Никто не знает, где могила Мазепы. Ничего неизвестно о бедной Марии:

«. . . . . . Ее страдания,
Непроницаемою тьмою
От нас закрыты...»

«Сохранилася могила» двух страдальцев, Кочубея и Искры:

«Меж древних праведных могил
«Их мирно церковь приютила».

Все эти люди, столько переживавшие, страдавшие, «столь полные волею страстей», не оставив следа, ушли, исчезли.

Только один оставил след, только один не забыт и никогда не будет забыт в истории России — Петр Великий:

«В гражданстве северной державы,
В ее воинственной судьбе,
Лишь ты воздвиг, герой Полтавы,
Огромный памятник себе».

Еще раз в этих словах высказывается восхищение Пушкина перед Петром Великим, огромное значение, которое он ему придает.

«Полтава» вышла в свет несколько месяцев после того, как она была окончена. Литературные круги, друзья Пушкина сразу оценили эту замечательную поэму, но читающая публика оказала ей гораздо более холодный прием, чем «Евгению Онегину», который тогда (в 1828 г.) еще не был окончен и выходил отдельными главами. По настоящему оценили Полтаву только гораздо позже.

МЕДНЫЙ ВСАДНИК.

Пушкин несколько лет работал над «Историей Петра Великого», собирал и приводил в порядок материал, писал записки, разрабатывал план; к сожалению, ему не удалось довести до конца своих трудов, — смерть прервала его работу, и «История Петра Великого» так и не появилась в свет. Но, как уже было сказано при разборе «Полтавы», Петр Великий несомненно был одним из любимых исторических героев Пушкина.

В «Полтаве» Петр является в расцвете сил и славы, он описан почти, как гений войны, окруженный ореолом военной мощи, победы, великодушия.

В неоконченной повести «Арап Петра Великого» (42) Пушкин описывает Петра уже в конце его царствования, то на ассамблеях, недавно введенных императором, то в простой домашней обстановке. От крупной, значительной фигуры царя веет величием и силой.

Поэма «Медный Всадник» — является как бы апофеозом дела Петра Великого, осуществлением «великих дум» его, когда «на берегу пустынных волн», он решает построить новую столицу, «ногою твердой стать при море», — «прорубить окно в Европу».

Пушкин описывает наводнение, произошедшее в Петербурге в ноябре 1824 г., в самом конце царство-

42) Герой этой повести — предок Пушкина, Ибрагим Ганнибал.

вания Александра I. Действительно Петербург, построенный Петром на низких берегах Невы, недалеко от берегов Балтийского моря (43), средь «топи блат», подвержен частым наводнениям. Для осушения болотистой почвы, на которой построен Петербург, пришлось проводить каналы, но все же, когда сильный морской ветер преграждает в устье течение Невы, вода в реке и в каналах поднимается и выступает из берегов. Наводнение, описанное в «Медном Всаднике», одно из самых страшных за всю историю Петербурга.

Действие поэмы сосредоточено вокруг известного Медного Всадника, памятника Петру Великому, работы Фальконета, поставленного Екатериной II-й. Фальконет (43 bis) изобразил Петра на коне, застывшего в порыве сильного движения, среди бешеной скачки:

«Ужасен он в окрестной мгле!
Какая дума на челе!
Какая сила в нем сокрыта!
А в сем коне какой огонь!

«Куда ты скачешь, гордый конь,
И где опустишь ты копыта?
О, мощный властелин судьбы!
Не так ли ты над самой бездной
На высоте уздой железной
Россию поднял на дыбы?»

Когда Петр в 1703 г. начал строить Петербург на только что завоеванных финских берегах, он думал только о государственном благе, о величии России, которая наконец приобрела выход к морю, удобному для судоходства:

«Сюда, по новым им волнам
Все флаги в гости будут к нам».

---

43) Финского залива.
43-bis) Фальконет, французский скульптор (1716-1791).

Возможность наводнений, неблагоприятная почва, суровый климат, эти неудобства для жителей Петербурга, особенно для бедной части населения,—все это в глазах Петра не могло быть поставлено в сравнение с государственной, политической целью, которой он вполне достиг, завоевав России небывалое положение среди других европейских держав.

Евгений, скромный герой поэмы, один из бедных жителей столицы, жертва этого стихийного петербургского бедствия; его невеста, Параша, погибла в наводнении. Евгений, не выдержав потрясения и горя, сходит с ума. При виде грозного памятника Петру Великому, он вдруг сознает:

«Чьей волей роковой
Над морем город основался»,

сознает, что он, этот «Медный Всадник» виновник его личного несчастья. Все, что может сделать бедный безумец, это — «зубы стиснув, пальцы сжав, как обуянный силой черной», погрозить со злобой этому «строителю чудотворному» —: «Ужо тебе!» И что же? Вдруг ему кажется, что медное лицо царя тихонько к нему обращается; в страхе он бросается бежать и ему кажется, что

«За ним несется Всадник Медный
На звонко скачущем коне;
И во всю ночь, безумец бедный,
Куда стопы ни обращал,
За ним повсюду Всадник Медный
С тяжелым топотом скакал».

Грозный царь скачет вслед за этим взбунтовавшимся бедняком, посмевшим сравнить свою личную судьбу, свое благополучие с благом и величием России.

В этом заключается главная мысль поэмы. Перед нами две крайности: с одной стороны, борьба суровой

воли Петра со всеми препятствиями, встающими на его пути ко благу России. — «Здесь будет город заложен», сказал он, стоя «на берегу пустынных волн». И через 100 лет мы видим осуществление всех замыслов «чудотворного строителя», видим этот дивный город во всем его стройном величии. С другой стороны, перед нами драма одного из мелких обывателей Петербурга, который, как и все люди, стремится к своему личному благополучию, к обычному маленькому человеческому счастью. Наводнение, это Петербургское бедствие, в один день разрушает всю жизнь Евгения, как бы стирает с лица земли все его скромное существование. После ночной скачки «Медного Всадника», на которого Евгений посмел излить вскипевшую в нем злобу, он уже боится проходить той площадью; при виде величественного памятника Петра, Евгений

«Картуз изношенный сымал,
Смущенных глаз не подымал
И шел сторонкою»...

Кто же прав, по мнению Пушкина, Петр или Евгений? Нет никакого сомнения, что Пушкин отдает всю справедливость великому делу Петра, но также нет сомнения, что всем сердцем он жалеет своего скромного героя: « — бедный, бедный мой Евгений». Одно это слово «мой» показывает отношение Пушкина к его несчастной судьбе.

По первому замыслу «Медный Всадник» должен был начинаться с родословной Евгения. В первой части Пушкин говорил об образовании новой знати и обеднении старинных дворянских родов. Но затем Пушкин отделил эту часть, и она вышла отдельным стихотворением, названным «Родословная моего героя». В первой части «Медного Всадника» виден намек на то, что Евгений происходит из старинной дворянской семьи; Пушкин даже не называет его фамилии:

«Прозванья нам его не нужно,
Хотя в минувши времена
Оно, быть может, и блистало,
И под пером Карамзина
В родных преданьях прозвучало».

Намек на Историю Государства Российского Карамзина. Возможно, что предки Евгения играли какую-то роль в исторических событиях России. Теперь же «прозвание» Евгения «светом и молвой забыто»,

«Наш герой
Живет в Коломне, где-то служит
Дичится знатных» — (новой знати),
и не тужит
«Ни о почиющей родне,
Ни о забытой старине».

«Медный Всадник» одна из лучших поэм Пушкина. Сжатость, сила, мастерство — необычайные. Читатель с первых слов захвачен силой и подъемом вступления, описанием Петербурга, о котором Пушкин говорит с такой восторженной любовью и восхищением:

«Люблю тебя, Петра творенье,
«Люблю твой стройный, строгий вид»...

Удивительное впечатление производит после этого торжественного подъема переход к самому рассказу, полная перемена тона, вводящая нас в скромный уголок Евгения. К лучшим местам надо отнести описание самого наводнения и ночную скачку «Медного Всадника». Пушкин употребляет художественный прием сочетания известных согласных, реально передающих звук топота копыт медного коня; Евгений

——— «Слышит за собой
«Как будто грома грохотанье, —
Тяжело-звонкое скаканье

По потрясенной мостовой.
И озарен луною бледной,
Простерши руку в вышине,
За ним несется Всадник Медный
На звонко скачущем коне».

Не только сочетание часто повторяющихся «р», «з», «с», «ш», но и весь ритм этого отрывка передает тяжелую скачку «Медного Всадника».

Поэма была написана в 1833 г., но напечатана она была уже после смерти Пушкина. Цензура требовала от него переделок, на которые поэт не соглашался. Поэтому «Медный Всадник» окончательно не был отделан Пушкиным. И несмотря на это, повторяем, — это одна из лучших его поэм по своей силе, цельности и красоте.

БОРИС ГОДУНОВ



А. С. Пушкин в Михайловском
рис. Л. Пастернака.

Пушкин написал «Бориса Годунова» в Михайловском; работая в течение нескольких месяцев, он закончил свою трагедию осенью 1825-го г. Тишина деревенской жизни, вынужденное одиночество способствовали серьезной и упорной работе. В письме к одному из своих друзей Пушкин пишет: — «общество мое состоит только из старой няни, да из трагедии». Работа увлекла его; в письмах он говорил о ней только самым близким друзьям. Князю Вяземскому он пишет: «покамест, душа моя, я предпринял такой литературный под-

виг, за который ты меня расцелуешь: Романтическую трагедию! Смотри же, молчи! Об этом знают весьма немногие». (13-го июля 1825 г.).

В августе того же года он писал Жуковскому: «Трагедия моя идет, и думаю к зиме ее кончить; вследствии чего читаю только Карамзина, да летописи. — Что за чудо эти два последние тома Карамзина! Какая жизнь!».

В другом письме Вяземскому Пушкин говорит, что весь план его трагедии составлен по истории Карамзина: «Ты хочешь плана! Возьми конец X и весь XI том (истории Карамзина), вот тебе и план». (13-го сентября 1825 г.)

Карамзин несомненно оказал большое влияние на Пушкина при создании «Бориса Годунова». Пушкин, как и Карамзин, уверен, что Борис является убийцей царевича Димитрия. Религиозная идея всей трагедии заключается в том, что Борис несет наказание за совершенное преступление. Взгляд Карамзина на ход и развитие исторических событий совершенно совпадает со взглядом Пушкина в его трагедии, но характер самого царя Бориса и других действующих лиц созданы совершенно самостоятельно.

Глубоко уважая Карамзина, признавая его исторический авторитет, Пушкин ему и посвятил свою трагедию:

> «Драгоценной для Россиян памяти Николая Михайловича Карамзина сей труд, гением его вдохновенный, с благоговением и благодарностию посвящает Александр Пушкин».

Кроме «Истории Государства Российского» Пушкин пользовался и другими источниками, прежде всего

летописями и другими сочинениями, близкими к описываемым событиям, в которых он старался уловить атмосферу, дух, и язык эпохи. Пушкин работал упорно и серьезно; так, например, в письмах он несколько раз просил друзей прислать ему житие юродивого блаженного Иоанна, прозванного Железным колпаком, читал Четьи-Минеи, выискивая жития других юродивых, — для того, чтобы как можно более живо и верно изобразить своего юродивого, который в трагедии появляется только в одной сцене. Французский капитан Маржерет говорит всего несколько фраз в одной сцене; но, чтобы вывести его, Пушкин прочел его сочинение: «Etat de l'Empire de Russie». Сцена Самозванца с издыхающим конем взята из истории Щербатова.

Из всего сказанного видно, как тщательно Пушкин изучал исторические источники для создания «Бориса Годунова».

Огромное влияние на его произведение оказал Шекспир. В первый период своей ссылки Пушкин увлекался Байроном, в Михайловском его место занял Шекспир.

«Что за человек этот Шекспир!» пишет он Н. Раевскому (по-французски). «Я не могу придти в себя. Как трагический Байрон мелок по сравнению с ним». — «Читайте Шекспира, вот мой припев» (июль 1825).

Уже много позже окончания «Бориса Годунова», в 1828-м г. Пушкин писал по поводу своего произведения: «Изучение Шекспира, Карамзина и наших летописей дало мне мысль облечь в драматические формы одну из самых драматических эпох новейшей истории. Я писал в строгом уединении, не смущаемый никаким влиянием. Шекспиру подражал я в его вольном и широком изображении характеров, в необыкновенном со-

ставлении типов и в простоте. Карамзину следовал я в светлом развитии происшествий, в летописях старался угадать образ мыслей и язык того времени. Источники богатые».

Своей трагедией Пушкин открыл совершенно новый путь русскому драматическому искусству. — В письмах к друзьям, в черновых записках, он высказал свой взгляд на театр вообще. — «Я твердо уверен, что нашему театру приличны народные законы драмы Шекспировой, а не придворный обычай трагедии Расина» (1828 г.) — «Правдоподобие положений и правдивость диалогов, вот настоящие законы трагедий». (Письмо к Н. Раевскому, 1825 г.) — «Что нужно драматическому писателю? Философия, беспристрастие, государственные мысли историка, догадливость, живость воображения, никакого предрассудка, любимой мысли. С в о б о д а». Пушкин подчеркнул слово «свобода», придавая ему, очевидно, особое значение. Он, конечно, имел в виду художественную свободу, упразднение всяких рамок и правил, стесняющих творчество писателя. Эту мысль он и осуществил в своей трагедии, окончательно порвав с классическими правилами «трех единств». Вместо классических пяти актов в «Борисе Годунове» 25 маленьких сцен (44), происходящих в самых разнообразных местах: в Москве, то в царских палатах, то на площади, на границе Литвы, в Польше, а не в одном месте как того требуют правила классической трагедии. Действие развертывается перед нами на протяжении всего царствования царя Бориса, т. е. от 1598-го до 1605-го г., а не в один день, по классическому правилу «единства времени». Пушкин упразднил

44) Некоторые сцены были исключены самим Пушкиным.

традиционных наперсников и наперсниц, не совместимых с тем духом р е а л и з м а, которым главным образом проникнуто его произведение, зато ввел комический элемент в лице Варлаама и Мисаила, а также ввел н а р о д, как действующее лицо; в народных сценах определяется и чувствуется настроение, асмосфера момента, дается оценка происходящим событиям.

Теперь перейдем к разбору характера самого царя Бориса. В изображении этого поистине трагического образа, Пушкин, как уже было сказано, совершенно согласен с Карамзиным с точки зрения исторической и религиозно-моральной. Убиение царевича Димитрия, по Пушкину, лежит на совести Бориса, и поэтому все семь лет его царствования проходят под знаком кары Божией. Совершается неизбежный закон п р е с т у п л е н и я и н а к а з а н и я. Но когда сам царь, помазанник Божий, совершил преступление, то наказание несет не только он, но и народ, избравший его царем. Эту мысль автор выражает устами Пимена:

«О страшное, невиданное горе!
Прогневали мы Бога, согрешили:
Владыкою себе цареубийцу
Мы нарекли».

Борис совершил преступление, чтобы стать царем. Но у него страсть властолюбия не такая эгоистическая, личная, как например у Мазепы; он стремился к власти не только для себя, но и для блага народа, для России: «я думал свой народ в довольствии, во славе успокоить»... говорит Борис. Он в л а с т о л ю б и в, но не ч е с т о л ю б и в.

Борис появляется всего в 6-ти сценах, но конечно, занимает центральное место во всем произведении.

Перед нами во весь рост встает его крупная, значительная фигура.

«Высокий дух державный», говорит про него Басманов. Светлый и смелый государственный ум Бориса виден в разговоре с Басмановым и особенно в последних наставлениях сыну; да и во всех его словах светится ум; один только Шуйский, не столько умом, сколько хитростью может тягаться с ним.

Борис — нежный, любящий отец и по отношению к Ксении и, главное, к сыну Феодору. Чувствуя приближение смерти, он долго говорит с сыном, наставляет его

——— «о Боже, Боже!
«Сейчас явлюсь перед Тобою — и душу
Мне некогда очистить покаяньем.
Но чувствую — мой сын, ты мне дороже
Душевного спасенья»...

В этих словах чувствуется вся сила самоотверженной любви отца. Вместо того, чтобы готовиться к смерти, он дает будущему молодому царю подробное наставление о том, как править государством, а между тем знает, что смерть идет, знает, что он должен «душу очистить покаяньем».

Борис — глубоко религиозен. Вера в Бога сквозит во всех его речах. Он знает, что совершил грех, и мучительные угрызения совести не дают ему покоя, терзают и преследуют его. В своем знаменитом монологе («Достиг я высшей власти») Борис высказывает глубоко христианскую мысль: только чистая совесть дает душе мир и покой:

«Ах, чувствую, ничто не может нас
Среди мирских печалей успокоить;
Ничто, ничто... едина разве совесть.
Так, здравая, она восторжествует
Над злобою, над темной клеветой.
Но если в ней единое пятно,

Единое случайно завелося,
Тогда беда: как язвой моровой
Душа сгорит, нальется сердце ядом,
Как молотком стучит в ушах упрек,
И все тошнит, и голова кружится,
И мальчики кровавые в глазах...
И рад бежать, да некуда... ужасно!
Да, жалок тот, в ком совесть нечиста».

Душевные терзания Бориса еще увеличиваются, когда он узнает, что над могилою царевича Димитрия стали свершаться чудеса. Убиение невинного младенца — преступление ужасающее, величайший грех. И Борис его совершил. Но в душе его живо глубоко-религиозное чувство, в ней живет и любовь к своим детям, и любовь к народу; это не испорченная душа злодея: такие угрызения совести могут быть только в сильной, неиспорченной натуре. Пушкин раскрывает перед нами всю глубину и сложность этой трагической души.

Совершенная противоположность Борису характер Самозванца. Согласно с мнением Карамзина Пушкин считает, что Лжедимитрий — Григорий Отрепьев, даже называет его один раз «Гришкой» (сцена с поэтом, подносящим Самозванцу латинские стихи).

В одной из сцен, исключенной Пушкиным из окончательной редакции трагедии, изображен разговор Григория Отрепьева с «злым чернецом», который внушает ему мысль выдать себя за царевича Димитрия и свергнуть царя Бориса; таким образом подчеркивается несамостоятельный и слабый характер Самозванца. В окончательной редакции Лжедимитрий изображен иначе; мысль самозванства рождается у него, когда он слушает рассказ об Угличской трагедии, рождается, быть может, при случайных словах, сказанных Пименом об убиенном царевиче: — «он был бы твой рове-

сник и царствовал». Пимен передает молодому послушнику свой ужас перед совершившимся злодеянием и перед тем фактом, что убийца невинного младенца стал сам царем. Увлеченный рассказом летописца, увлеченный мыслями, нахлынувшими на него под влиянием этого рассказа и своего вещего сна, Григорий, оставшись один и как будто обращаясь прямо к самому царю Борису, произносит слова, полные пророческой угрозы:

«Борис, Борис! все пред тобой трепещет,
Никто тебе не смеет и напомнить
О жребии несчастного младенца —
А между тем отшельник в темной келье
Здесь на тебя донос ужасный пишет:
И не уйдешь ты от суда мирского,
Как не уйдешь от Божьего суда!».

В своем увлечении Григорий чувствует себя орудием «Божьего суда», и уже в следующей сцене мы узнаем, что он бежал из Чудова монастыря, а перед тем похвалялся, что «будет царем на Москве».

Самозванец изображен Пушкиным, как натура увлекающаяся, неглубокая, но и незаурядная. Конечно, отчасти, он искатель приключений, авантюрист, который, как он сам признается Марине, «под» монашеским «клобуком свой замысел отважный обдумал» и «готовит миру чудо». Но увлечения Лжедимитрия вполне искренни: увлекшись сперва смелой авантюрой самозванства, он также страстно увлекается прекрасной Мариной и в порыве искренней любви даже признается ей в своем скромном происхождении. В то же время он прекрасно играет принятую на себя роль царевича, облекаясь известным величием и красотой царского сана:

— «Тень Грозного меня усыновила,
Димитрием из гроба нарекла,
Вокруг меня народы возмутила
И в жертву мне Бориса обрекла»,

Смелая, увлекающаяся фигура Самозванца изображена небыкновенно живо. Хотя он и «обдумал свой замысел отважный», но часто проявляет и легкомыслие и беспечность. Так, он легкомысленно ручается патеру Черниковскому, что не пройдет еще двух лет, как весь народ русский, следуя примеру своего царя, перейдет в католичество, — «признает власть Наместника Петра». В таком важном и серьезном для русского народа вопросе веры он уверяет, что «не будет затруднений», — только потому, что сам он не серьезно к этому относится.

После сцены у фонтана Самозванец говорит: «легче мне хитрить с придворным иезуитом, чем с женщиной»; но даже, если он «хитрит» с патером Черниковским, то это только показывает его неглубокое, легкомысленное отношение к вопросу религии.

Особенно поражает его беззаботность, когда в лесу, после полного поражения его войска, Самозванец горюет над своим раненым и издыхающим конем; он не думает о том, что войско разбито, что дело его как будто проиграно; расседлав коня и убедившись, что больше ничем нельзя ему помочь, он тут же беспечно засыпает, подложив под голову седло. Эта беспечность скорее даже симпатична и внушает его спутникам бодрость и веру в счастливую звезду Самозванца: «Приятный сон, царевич», говорит сопровождающий его боярин Пушкин:

«Разбитый в прах, спасаяся побегом,
Беспечен он, как глупое дитя;
Хранит его, конечно, Провиденье,
И мы, друзья, не станем унывать».

Другая симпатичная черта характера Лжедимитрия, любовь к родине, проявляется в разговоре с Курбским, который радуется, подъезжая к русской границе.

Самозванец не может разделить его радости, душа его страдает от сознания, что он, русский человек, ведет врагов России, поляков и литовцев на Москву:

«Кровь русская, о Курбский, потечет!»

грустно говорит он: «Я вас веду на братьев; я Литву позвал на Русь; я в красную Москву кажу врагам заветную дорогу»...

Рядом с этой смелой, неглубокой, но несомненно незаурядной фигурой Самозванца мы видим красавицу Марину; это совершенно отрицательная личность, в ней нельзя найти ни одной положительной черты; она тщеславна, алчна и расчетлива; пользуясь своей красотой и женским обаянием, она добивается намеченной честолюбивой цели: она хочет стать Московской царицей; любовь Самозванца не трогает ее сердца, она готова оттолкнуть и обличить его, когда узнает, что он Лжедимитрий. Самозванец называет ее «гордою полячкой», но настоящей гордости в ней нет, т. к. она без стыда открывает перед Лжедимитрием всю бездну тщеславия своей души, и говорит ему, что не согласна слушать «любви речей», пока его «нога не оперлась на тронные ступени».

Также совершенно отрицательно изображен князь Шуйский, «лукавый царедворец», как его верно определяет Воротынский; он именно хитрый, расчетливый, льстивый придворный; «уклончивый, но смелый и лукавый», определяет его сам Борис. Шуйский всеми силами добивается власти и близости к царю, которого готов в любой момент предать и свергнуть.

Князь Шуйский, потомок Рюрика, в душе презирает Бориса:

«Какая честь для нас, для всей Руси!
Вчерашний раб, татарин, зять Малюты,
Зять палача и сам в душе палач,
Возьмет венец и бармы Мономаха».

В разговоре с Воротынским Шуйский высказывает свою заветную мысль: он, Шуйский, как и некоторые другие потомки Рюрика, «природные князья» и имеют больше прав на московский престол, чем Борис. Он даже предлагает Воротынскому «искусно волновать» народ против Годунова, пока тот еще не выбран на царство. Но как только Борис стал законным царем, Шуйский превращается в «лукавого царедворца», всеми силами старается показать свою мнимую преданность царю. Шуйский очень умен, он один может тягаться умом с Борисом, доверия которого он старается добиться лестью и тонкими хитрыми приемами: «не казнь страшна, страшна твоя немилость», лицемерно говорит он Борису, уверяя царя в том, что он говорит правду, — и тут же, рассказывая об убиенном царевиче Димитрии, он нарочно мучает Бориса, подробно описывая труп младенца. Но когда нужно, тот же Шуйский выручает Бориса, которого терзает совесть, и ловко отклоняет предложение Патриарха перенести мощи царевича Димитрия из Углича в Москву. Даже Борис не видит его обмана и перед смертью указывает Феодору на Шуйского, как на «надежного советника».

Замечателен светлый образ старца Пимена, проводящего жизнь в молитве, и по ночам ведущего свою летопись. Бесстрашно, правдиво и спокойно записывает он все, чему «свидетелем Господь его поставил». В этом труде он видит свой «долг, завещанный от Бога».

В одном письме Пушкин пишет: «Характер Пи-

мена не есть мое изобретение. В нем собрал я черты, пленившие меня в наших старых летописях; умилительная кротость, младенческое и вместе мудрое простодушие, набожное усердие к власти царя, данной Богом, совершенное отсутствие суетности дышат в сих драгоценных памятниках времен давно минувших». Пушкину удалось поразительно верно и живо передать этот образ летописца. Когда, вернувшись из ссылки, он первый раз в Москве читал собравшимся друзьям и литераторам «Бориса Годунова», он вызвал общий и бурный восторг. Историк Погодин, присутствовавший при этом чтении, пишет в своих записках:

"Первые явления были выслушаны тихо и спокойно, но чем дальше, тем ощущения усиливались. Сцена летописателя с Григорием всех ошеломила. Мне показалось, что мой родной и любезный Нестор поднялся из могилы и говорит устами Пимена. Мне послышался живой голос русского древнего летописца. Мы просто все как будто обеспамятели. Кого бросало в жар, кого в озноб. Не стало сил воздерживаться... Кончилось чтение. Мы смотрели друг на друга долго, и потом бросились к Пушкину. Начались объятия, поднялся шум, раздался смех, полились слезы, поздравления"...

Все лица, выведенные Пушкиным в трагедии, даже второстепенные, наделены индивидуальностью, изображены живо и ярко: Патриарх, Курбский, Басманов, Варлаам, все это живые, своеобразные характеры; каждый из них говорит своим языком, характерным для него.

Очень хорош образ Патриарха, простодушного и даже как будто наивного в своем чистосердечии и простоте. Узнав о бегстве из Чудова монастыря Григория Отрепьева и о его словах: «буду царем на Москве», он возмущенно восклицает, обращаясь к игумену: «Ведь это ересь, отец Игумен?» — «Ересь, святый Владыка, сущая ересь», отвечает игумен. Рассказ патриарха о чуде, совершившемся на могиле царевича Димитрия,

приводит в смущение всех присутствующих, Борис, терзаясь угрызениями совести, едва может скрыть свое волнение; один патриарх в своем правдивом чистосердечии ничего не замечает.

Курбский, сын Андрея Курбского, изменившего Грозному и окончившего жизнь в Литве, появляется только в двух сценах. Но и он изображен совершенно живо; мы видим этого восторженного юношу, пламенного патриота, готового пролить свою кровь за законного, как он думает, царевича. «Чистая душа», говорит про него Самозванец.

Пушкин старался, насколько возможно, передать дух, атмосферу исторического момента. Он употребляет некоторые слова и выражения старо-русского языка, уже не употреблявшиеся в его время, но совершенно уместные в описываемую эпоху. Особенно это чувствуется в речах Пимена и патриарха, которые употребляют старые русские или славянские слова как: «приял», «зане», «яко», «да ведают» — и другие тому подобные слова и выражения. Первая сцена «Бориса Годунова» начинается словами Воротынского: «Наряжены мы вместе город ведать»; этим выражением Пушкин сразу переносит нас в эпоху XVI-го, и начала XVII-го века (45).

Пушкин окончил свою трагедию в 1825 году, но напечатана она была только в 1831 г. Когда после возвращения из ссылки Пушкин представил «Бориса Годунова» на рассмотрение Государю, и когда Бенкендорф указал ему на некоторые места, которые желательно было бы изменить, Пушкин отказался издавать свою трагедию, зная, что эти изменения могут только

45) "наряжены мы город ведать" — мы назначены управлять городом.

повредить его произведению, и дождался более благоприятного момента для издания. Выше приведена была выписка из записок Погодина, описывающего восторг при первом чтении «Бориса Годунова» в кругу друзей и литераторов; но широкая публика и даже многие критики не способны были понять всю глубину этого произведения и только гораздо позднее оценили трагедию Пушкина. Некоторые критики в своих рецензиях говорили о «падении Пушкина», о том, что талант его ослабевает; даже Белинский, лучший критик XIX-го века, в своей критической оценке, хотя и говорил, что некоторые сцены гениальны, но в то же время называл самого Бориса — «мелодраматическим злодеем», говорил, что нельзя называть это произведение настоящей трагедией и только гораздо позднее действительно оценил его по заслугам и понял, что «Борис Годунов» несомненно относится к лучшим произведениям Пушкина.

ДРАМАТИЧЕСКИЕ СЦЕНЫ.

Кроме «Бориса Годунова» Пушкин написал еще несколько коротких драм и драматических сцен: «Скупой Рыцарь» (1830 г.), «Каменный Гость» (1830 г.), «Моцарт и Сальери» (1830 г.), «Пир во время чумы» (1830 г.), «Сцена из Фауста» (1826 г.) и неоконченную драму «Русалка». В каждом из этих драматических проиведений проявляется удивительная способность Пушкина передавать дух эпохи и страны, в которой происходит действие, переносить читателя в национальную и историческую атмосферу. «Скупой Рыцарь» переносит нас в немецкое средневековье; «Пир во время чумы» — в Англию; «Каменный Гость» — в Испанию.

«СКУПОЙ РЫЦАРЬ»

Пушкин изображает скупость, обратившуюся во всепоглощающую страсть, со всем ее отталкивающим безобразием в лице барона, — «Скупого рыцаря». Барон не только «господин» и хозяин своего богатства, но и раб его. Сам он говорит, что он «выше желаний», но на самом деле это неверно, т. к. страсть приобретения не останавливается в своем развитии. Высшее наслаждение барона, его «счастливый день», когда он может всыпать горсть золота «в шестой сундук, еще неполный». Ясно, что этим его желания не удовлетворены, не пресыщены; пока он жив, он хотел бы еще и еще накапливать золото, наполнять

сундуки. В мрачной фигуре барона есть что-то демоническое; когда он хочет отпереть сундук, чтобы всыпать в него горсть золота, он говорит страшные слова:

«. . . . . сердце мне теснит
Какое-то неведомое чувство...
Нас уверяют медики: есть люди,
В убийстве находящие приятность.
Когда я ключ в замок влагаю, то же
Я чувствую, что чувствовать должны
Они, вонзая в жертву нож: приятно
И страшно вместе...»

Как всегда, от одного главного порока рождаются другие. Мы ясно видим это на примере «Скупого рыцаря». От скупости в нем развилась безжалостность; достаточно вспомнить несчастную вдову с тремя детьми, которая принесла долг мужа и видимо умоляла барона пожалеть ее. Разглядывая горсть золота в своей руке, он вспоминает:

«Тут есть дублон старинный... вот он. Нынче
Вдова мне отдала его, но прежде
С тремя детьми полдня перед окном
Она стояла на коленях, воя.
Шел дождь, и перестал, и вновь пошел,
Притворщица не трогалась; я мог бы
Ее прогнать, но что-то мне шептало,
Что мужнин долг она мне принесла
И не захочет завтра быть в тюрьме...»

Какая безжалостность, какое бессердечие в зачерствелой душе скупца! От скупости в нем развилась и полная беспринципность, и неразборчивость в средствах; ему безразлично, каким образом Тибо, «ленивец, плут», раздобыл деньги, которые он ему

был должен: — «украл, конечно», или может быть ограбил, убил кого-нибудь

«Там на большой дороге, ночью, в роще...»
«Да», говорит барон, «если бы все слезы,
кровь и пот,
«Пролитые за все, что здесь хранится,
«Из недр земных все выступили вдруг,
«То был бы вновь потоп — я захлебнулся б
«В моих подвалах верных»...

К скупости присединяется страсть властолюбия, упоение своей силой: — «Я царствую!» восклицает барон, любуясь блеском золота в открытом сундуке. Но эта страсть власти у него бесцельная, пустая, не как у царя Бориса, который стремился употребить свою власть для блага народа, для блага родной страны. «Скупой рыцарь» упоен только сознанием силы и власти, сознанием, что он «как некий демон может править миром», что он своим золотом может поработить себе «и вольный Гений», — «и добродетель, и бессонный труд». —

«Я свисну, и ко мне послушно, робко
Вползет окровавленное злодейство,
И руку будет мне лизать, и в очи
Смотреть, в них знак моей читая воли.
Мне все послушно, я же — ничему»...

Он наслаждается сознанием этой силы, сознанием доступности ему всех наслаждений мира, но никогда из-за своей скупости не истратит ни одной горсти из накопленных сокровищ; напротив, он хотел бы до самой смерти и даже после смерти скрывать от «взоров недостойных» свой подвал:

«..... о, если б из могилы
Придти я мог, сторожевою тенью

Сидеть на сундуке и от живых
Сокровища мои хранить, как ныне!»

На сына своего он клевещет, чернит его в глазах герцога только из страха, что тот будет тратить накопленные отцом деньги.

И в то же время барон — живая душа, в нем еще есть человеческие чувства; угрызения совести еще не умерли в нем, он знает их муки:

. . . . «совесть,
Когтистый зверь, скребящий сердце, совесть,
Незванный гость, докучный собеседник,
Заимодавец грубый; эта ведьма,
От коей меркнет месяц и могилы
Смущаются и мертвых высылают!»

Видно много выстрадал барон в борьбе со своей совестью, стараясь заглушить ее голос.

Рядом с бароном, в противоположность ему, встает перед нами симпатичный образ его сына Альбера. Пылкий, благородный юноша страдает от жалкого положения, в котором держит его отец, от «стыда горькой бедности». Но эта бедность не развивает в нем скупости, которой так легко было бы заразиться «под кровлею одной с отцом»; Альбер не становится скрягой: денег у него нет, чтобы помогать бедным, но мы видим, что и последнюю бутылку подаренного ему вина он посылает через своего слугу больному кузнецу. Он не может любить своего отца, но как он негодует, как потрясен, когда понимает намек жида-ростовщика, предлагающего ему отравить отца. И только доведенный до отчаяния этим ужасным, подлым предложением жида, Альбер решает идти к герцогу, жаловаться и «искать управы». Такое же пылкое, бурное негодование охватывает его честную, благородную душу, когда он слышит возводимую на него отвратитель-

ную клевету отца. Такая несправедливость и ложь доводит его до того, что он кричит в лицо отцу: «вы лжец!» — и принимает вызов, брошенный ему бароном.

Несколькими штрихами необычайно ярко и реально изображена фигура жида Соломона с его беспринципной корыстной душонкой. Этот знает цену и силу денег! Страх слабого перед сильным и в то же время алчность его мелкой души чувствуется в его осторожных выражениях, оговорках: когда неясно, полунамеками он рассказывает о «чудесном торге» своего друга, Товия, Альбер нетерпеливо спрашивает:

«Твой старичек торгует ядом?
Да —
И ядом», отвечает Соломон.

Как это «и» смягчает утвердительный ответ, смягчает гнусное предложение отравить барона! В трех коротких сценах, сжато, живо и реально изображены характеры всех действующих лиц, глубокая трагедия человека, зачерствевшего в своих пороках и погибающего от них.

«МОЦАРТ и САЛЬЕРИ»

Драматический отрывок «Моцарт и Сальери» основан на предании, по которому Моцарт будто бы погиб, отравленный своим другом Сальери. Здесь главной темой является страсть зависти. Светлый, жизнерадостный образ Моцарта, его окрыленный гений, оттеняется мрачной фигурой Сальери, который мучительно завидует таланту Моцарта и сам себе в этом сознается:

«. . . . . сам скажу — я ныне
Завистник. Я завидую; глубоко,
Мучительно завидую»...

Сальери — музыкант-труженик; он страстно любит музыку, но у него нет творческого дара; он работал над своими композициями упорно, долго, терпеливо, как ремесленник; он сам говорит: «Ремесло поставил я подножием искусству». И вот он видит, что веселый, беспечный юноша, — «гуляка праздный», как он называет Моцарта, без упорного труда, свободно и легко создает гениальные, бессмертные произведения музыки. «Где ж правота», спрашивает себя Сальери:

«. . . . . когда священный дар,
Когда бессмертный гений — не в награду
Любви горящей, самоотверженья
Трудов, усердия, молений послан, —
А озаряет голову безумца,
Гуляки праздного!... О Моцарт, Моцарт! —»

Зависть доводит Сальери до мысли убить Моцарта. Он восхищается его гением:

«. . . . . как некий херувим,
Он несколько занес нам песен райских,
Чтоб, возмутив бескрылое желанье
В нас, чадах праха, после улететь!»

Но именно это «бескрылое желанье» упрямого труженика Сальери, «служителя музыки», лишенного таланта, доводит его до преступленья; он старается перед самим собой оправдать свое злодеяние, уверяет себя, что, убивая Моцарта, он тем самым служит искусству, т. к. Моцарт своим свободным, легким творчеством, без упорного труда и усилий, не подымает искусство, не приносит пользы искусству. И вот как раз перед тем, как Сальери бросает яд в чашу

своего друга, Моцарт в случайном разговоре произносит фразу, поражающую Сальери в самое сердце:

« . . . . гений и злодейство
Две вещи несовместные — »

Значит Сальери не гений? В разговоре Моцарт определяет настоящих «служителей музыки»: они не заботятся «о нуждах низкой жизни», — Они целиком «предались вольному искусству».

«Нас мало избранных, счастливцев праздных,
Пренебрегающих презренной пользой,
Единого прекрасного жрецов».

Каждое слово Моцарта бичует Сальери. Он плачет, слушая дивные звуки Réquiem'a, сочиненного Моцартом, как будто для себя, но уже не в силах остановить совершенного злодейства. Моцарт должен погибнуть.

«Сцена из Фауста».

В короткой «Сцене из Фауста» Пушкин изображает скучающего Фауста, уже пресыщенного всеми земными наслаждениями. Циничные речи Мефистофеля обнаруживают его душу, томящуюся от тоски и скуки. Он еще ищет рассеяния, забвения, не понимая, или не желая понять, что жизнь на земле, не осмысленная высшим, духовным светом, не может принести счастья.

«Каменный гость».

В «Каменном госте» Пушкин живо и реально изображает всем известный образ Дон Жуана, ветренного, беспечного и беспринципного, с верным его слу-

гой Лепорелло. Легкий стих, что-то неуловимое во всем духе этого небольшого драматического отрывка переносит нас в Испанию, в атмосферу южной ночи, благоухающей лимоном и лавром, в атмосферу любовных встреч, бурно вскипающих страстей, дуэлей.

«Пир во время чумы».

«Пир во время чумы» — частью перевод, частью переделка драматической сцены английского поэта Вильсона (Wilson). Некоторые места созданы Пушкиным самостоятельно.

ПРОЗАИЧЕСКИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Проза Пушкина отличается необыкновенной ясностью, простотой и сжатостью языка, отсутствием длиннот и ненужных отступлений; всякое слово идет к делу; события и лица описаны живо, с большим реализмом.

Арап Петра Великого.

Первое прозаическое произведение Пушкина, «Арап Петра Великого», было начато в 1827 г., но, к сожалению, осталось неоконченным. Тем не менее, это произведение очень интересно; в некоторых главах ярко выступает фигура уже пожилого императора Петра, дано очень интересное описание ассамблеи.

История села Горюхина.

В Болдине (1830 г.) Пушкин написал «Историю села Горюхина» и «Повести Белкина». Автор этих произведений — вымышленное Пушкиным лицо, Иван Петрович Белкин, характеристика которого дается в предисловии к «Истории села Горюхина» и в письме друга Ивана Петровича к издателю «Повестей Белкина». Тонко и с нескрываемой иронией Пушкин изображает тип писателя-самоучки, недалекого, часто наивного, доброго, молодого помещика, не умеющего, да и не желающего заниматься своим хозяйством; староста обкрадывает его, а Иван Петрович весь предается

страсти своей жизни, — писательству. С какой иронией Пушкин выбрал эпиграф к «Повестям Белкина» из Фонвизинского «Недоросля», сравнивая Ивана Петровича с Митрофаном: «Г-жа Простакова: «То, мой батюшка, он еще съизмала к историям охотник». Недоросль».

Эта «страсть к историям» заставляет Ивана Петровича Белкина начать писать «Историю села Горюхина», историю своего имения, своих крестьян. Образцом Белкин берет «Историю Государства Российского» Карамзина, начинает с географических и этнографических сведений, описывает тип обитателей Горюхина, а затем переходит к самой истории своего села, начиная с времен доисторических. Пишет он о совершенно неинтересных и маловажных подробностях жизни Горюхина торжественным, приподнятым языком историка — повествователя; это и составляет комизм всего произведения, делает его очень забавным. Некоторые критики видели в «Истории села Горюхина» пародию на «Историю» Карамзина, но Пушкин так явно иронизирует над своим вымышленным автором, невежественным писателем-самоучкой, что предположение отпадает.

Но несмотря на то, что, как уже было сказано, Белкин останавливается на маловажных мелочах горюхинской жизни, придавая им историческое значение, несмотря на комизм, вытекающий из этого, Пушкин дает в этом произведении яркие картины тяжелого быта крепостных крестьян.

ПОВЕСТИ БЕЛКИНА.

«Повести Белкина» («Выстрел», «Метель», «Гробовщик», «Станционный смотритель» и «Барышня-Крестьянка»), по словам Пушкина, не выдуманы Иваном Петровичем Белкиным, а списаны им со слов разных

рассказчиков. «Выстрел» записан со слов военного, «Метель» и «Барышня-Крестьянка» со слов девицы, очевидно чувствительной, провинциальной барышни, «Гробовщик» со слов какого-то приказчика, «Станционный смотритель» — со слов чиновника. Язык «Повестей» уже не язык Белкина, который будто бы только записывал за рассказчиком, а язык самого Пушкина; при этом Пушкин соблюдает известную окраску каждого рассказа, связанную с личностью рассказчика. Лучшей из этих повестей является несомненно «Станционный смотритель». Простой, реальный рассказ о Дуне, дочери старого смотрителя, вызывающий у читателя жалость к «униженным и оскорбленным», может быть отчасти навеян «Бедной Лизой» Карамзина; но в этом рассказе нет никакой сентиментальной слащавости. В «Станционном смотрителе» Пушкин затрагивает ту тему, которую после него развивали столькие русские писатели, которой коснулся Гоголь в своей «Шинели», Достоевский во многих своих произведениях.

КАПИТАНСКАЯ ДОЧКА

Самое крупное произведение Пушкина, написанное прозой, «Капитанская дочка», начато в 1833 году, почти одновременно с «Историей Пугачевского бунта», закончено в 1836 г. Собирая материалы для своего исторического труда, Пушкин, как уже было сказано выше, ездил в Казанский и Оренбургский край для того, чтобы на месте изучить описываемые события.

«История Пугачевского бунта» написана с ясной точностью и последовательностью историка и является ценным историческим трудом. Но Пушкин, как уже было сказано, не мог удовлетвориться сухим изложением исторических событий; небычайный эпизод Пугачевского бунта увлек его воображение, и он изобразил его в своей замечательной повести «Капитанская дочка».

Гринев.

Герой повести, Петр Андреевич Гринев — молодой офицер, попавший по месту своей службы в самый разгар бунта и случайно столкнувшийся с самим Пугачевым. Пушкин ведет рассказ от имени Гринева, скрываясь за ним и выдерживая от начала до конца простой, безыскусственный тон и язык. Гринев — не «герой» в классическом смысле этого слова, но и не бледная личность. Это один из тех многих офицеров, вышедших из

простой дворянской семьи, на доблести и честности которых создавалась слава русской армии. Он получил домашнее образование, какое обычно в ту эпоху получали дети дворян-помещиков; в раннем детстве он был всецело на попечении стремянного Савельича, «за трезвое поведение пожалованного» ему в дядьки; Савельич научил его русской грамоте. Когда мальчик подрос, отец нанял учителя француза, выписав его из Москвы, «вместе с годовым запасом вина и прованского масла». Уже одна эта бытовая подробность переносит нас в атмосферу зажиточной, но простой помещичьей семьи Екатерининской эпохи. По контракту, мосье Бопре должен был обучать Петрушу «по-французски, по-немецки и всем наукам», на что он совершенно не был способен, т. к. «в отечестве своем был парикмахером, потом в Пруссии солдатом, потом приехал в Россию «pour être outchitel, не очень понимая значение этого слова». Бопре оказался «добрым малым», но не особенно высокого нравственного уровня, за что скоро был отставлен от своей должности. Эту моду, сделавшуюся обычаем той эпохи, поручать воспитание детей иностранцам, не разбираясь в их педагогических и нравственных качествах, осмеивали и обличали в своих произведениях еще Новиков, Фонвизин, Грибоедов. Гринев сам говорит, что «жил недорослем» до шестнадцати лет. Но видно, что от природы он был неглуп и одарен незаурядными способностями, т. к. в Белогорской крепости, не имея никаких других развлечений, занялся чтением, упражнением во французских переводах иногда и сочинением стихов. «Во мне пробудилась охота к литературе», пишет он; «Александр Петрович Сумароков несколько лет после очень похвалял» его литературные опыты.

Вот все, что мы знаем об образовании Петра Андреевича Гринева; теперь поговорим о его воспитании.

Понятия воспитания и образования часто соединяют в одно целое, тогда как, в сущности, это две различные области, и иногда даже возникает вопрос: что важнее для человека, — образование или воспитание? В данном случае — именно воспитание, данное Гриневу его родителями, внушенное ему с детства словами, наставлением, а главное примером, сделали из него человека, создали прочные основы, принципиальные взгляды, указывавшие ему в жизни прямой и правильный путь. Какое же ему было дано воспитание? Какой пример видел он в доме родителей? Мы можем судить об этом по отдельным чертам, отдельным словам, разбросанным по всей повести. Мы узнаем из слов Гринева, Савельича, из писем отца, что родители Гринева были люди честные, глубоко порядочные: отец, придерживаясь сам строгих принципов и правил, не допускал и в доме своем, среди своих слуг и подчиненных нетрезвого и легкомысленного поведения. Лучше же всего свидетельствуют о его принципах наставления, которые он дает сыну, отправляя его служить: «служи верно, кому присягнешь; слушайся начальников; за их лаской не гоняйся; на службу не напрашивайся; от службы не отговаривайся; и помни пословицу: береги платье с нову, а честь смолоду». В этих нескольких словах сжато указал отец сыну, как он должен себя вести, чтобы быть честным и порядочным человеком: хранить верность присяге; служить исправно; не льстить, не подлаживаться к начальникам; исполнять долг службы скромно, не выставляясь напоказ, но усердно следовать во всем требованиям чести, которые порядочному человеку подсказывает совесть.

Конечно, главное в этих наставлениях для молодого человека, вступающего на службу, будущего офицера, — верность присяге. Мы видим, какое значение придавал Гринев-отец верности присяге по его

страшному горю, когда он узнал о взводимом на сына обвинении в измене государыне, в участии в мятеже Пугачева. Не ссылка сына в Сибирь на вечное поселение, которой государыня «из уважения к заслугам отца» заменила грозившую ему казнь, повергает в отчаяние старика, а тот факт, что сын его — изменник. «Сын мой участвовал в замыслах Пугачева! Боже праведный, до чего я дожил!» восклицает он: «Государыня избавляет его от казни! От этого разве мне легче? Не казнь страшна: пращур мой умер на лобном месте, отстаивая то, что почитал святынею своей совести»... «Но дворянину изменить своей присяге»... «Стыд и срам нашему роду!» — На самом деле Петр Андреевич Гринев, как мы знаем, никогда не изменял присяге; наставления отца, данные ему перед отъездом, видно глубоко запали ему в душу; во все трудные и опасные минуты своей жизни он никогда не изменял требованиям долга и чести.

На протяжении недолгого времени, описанного в повести (около двух лет), мы видим, как мальчик, «живший недорослем», гонявший голубей, мастеривший бумажного змея из географической карты, под влиянием необычайных событий и сильных переживаний зрелеет и превращается во взрослого человека, порядочного, честного, с твердыми принципами. В начале повести поведение его еще чисто мальчишеское: игра на бильярде с Зуриным, невинное вранье генералу при объяснении выражения «ежовые рукавицы» и т. д.; но любовь к Марье Ивановне, а главное страшные происшествия Пугачевского бунта способствуют тому, что он быстро возмужал. Мы еще сказали выше, что Гринев не «герой», но и не бледная личность. Рассказывает он все, что с ним произошло совершенно искренно; не скрывает, что иногда делал глупости; тем ярче выступает перед нами его личность.

Гринев неглуп и очень симпатичен. Главные чер-

ты его характера: простота (он никогда не рисуется), прямота и врожденное благородство во всех поступках; когда Пугачев из-за вмешательства Савельича помиловал его, когда он был на волоске от смерти, когда с его шеи только что сняли веревку, на которой он должен был быть повешен, — он н е м о ж е т поцеловать руку разбойника, помиловавшего его: «целуй руку! целуй руку! говорили около него. Но я предпочел бы самую лютую казнь такому унижению»... Поцеловать руку Пугачева, даровавшего ему жизнь, не было бы изменой присяге, но это было противно его врожденному чувству благородства. В то же время чувство благодарности к Пугачеву, спасшему его жизнь, избавившего Марью Ивановну от Швабрина, никогда не покидает его.

При большой мужественности во всех поступках Гринева в его отношениях к людям сквозит душевность и доброта. В трудные минуты жизни душа его обращается к Богу: он молится, готовясь к смерти, перед виселицей, «принося Богу искреннее раскаяние во всех прегрешениях, и моля Его о спасении всех близких». В конце повести, когда он, ни в чем неповинный, неожиданно попал в тюрьму, закованный, он «прибегнул к утешению всех скорбящих и, впервые вкусив сладость молитвы, излиянной из чистого, но растерзанного сердца, спокойно заснул», не заботясь, что с ним будет.

Таков образ главного действующего лица «Капитанской дочки». Общие черты, — душевность, простодушие, прямота и глубокое чувство долга, — сближают его с Марьей Ивановной, «капитанской дочкой». С первого взгляда Маша не нравится Гриневу: ее застенчивость, скромность и робость скрывают ее истинный образ; простота и скромность кажутся глупостью,

робость — трусостью; — «Маша трусиха», говорит про нее мать: «до сих пор не может слышать выстрела из ружья; так и затрепещется». Но в важные минуты жизни, подавляя свою робость, Марья Ивановна умеет проявить мужество, твердость и решимость. Оказавшись во власти Швабрина, она ни за что не соглашается стать его женой, несмотря на его угрозы. Но больше всего она проявляет мужество, решимость и силу воли, когда решается одна ехать в Петербург, хлопотать за своего жениха перед государыней. В конце повести упоминается собственноручное письмо Екатерины II-й, которое потомство Гринева хранит, как святыню, под стеклом и в рамке; объявляя Андрею Петровичу Гриневу полное оправдание его сына, государыня высказывает «похвалы уму и сердцу дочери капитана Миронова».

Нельзя не отметить, говоря о Маше Мироновой, ее глубокую принципиальность и уважение воли родительской: она полюбила Гринева и готова стать его женой, но, узнав, что отец Петруши решительно против этого брака, она ни за что не хочет венчаться без благословения и согласия родителей и твердо говорит Гриневу: « Я не выйду за тебя без благословения твоих родителей. Без их благословения не будет тебе счастья. Покоримся воле Божией». Эта твердая вера в родительское благословение, эта покорность воле их, в которой она видит волю Божию, черта, присущая характеру русской женщины. В лице Марии Мироновой изображена именно русская девушка, с присущей ей простотой, глубиной и силой воли.

Прекрасно описаны простые, но такие реальные фигуры коменданта крепости и его жены, — Ивана Кузьмича и Василисы Егоровны Мироновых. Пушкин переносит нас в мирную жизнь степной захолустной

крепости, где комендант, «в колпаке и в китайчатом халате», на площади проводит военное обучение своего гарнизона, «стареньких инвалидов с длинными косами и в треугольных шляпах»; где пушка, стоящая у ворот крепости, засорена «тряпичками, камешками, щепками и сором всякого рода, запиханным в нее ребятишками». Миром и беспечностью веет от этой картины. Комендантша посылает девку Палашку за мужем, звать «барина обедать» и нисколько не стесняется отрывать его от учения солдат, т. к. — «кушанье подано» и щи могут простынуть. Василиса Егоровна, жена коменданта, ведет себя, как хозяйка крепости; на всей жизни комендантского дома и всего крепостного начальства лежит отпечаток семейного, домашнего уюта. Старый кривой поручик, Иван Игнатьевич, по поручению Василисы Егоровны нанизывает грибы для сушения на зиму; он же помогает комендантше разматывать нитки, держа их, растянув на руках. Василиса Егоровна вмешивается во все дела крепости, распоряжается иногда вместо своего мужа: она приказывает поручику разобрать дела капрала, подравшегося с бабой, и наказать обоих; больше того, она отбирает шпаги у поссорившихся офицеров, велит Палашке отнести шпаги в чулан и возвращает их только, когда она же заставила противников помириться и поцеловаться.

Вся эта бытовая идиллия меняется при появлении опасности, при приближении Пугачева. Добродушный, беспечный комендант превращается сразу в настоящего начальника крепости; сильнее всех семейных привычек и привязанностей в нем проявляется чувство долга и опять-таки верность присяге, которой он до смерти не изменяет. И он, а за ним и «кривой старичек» поручик, отказываются присягнуть Пугачеву, зная, что за это их ждет смерть. К а к умирают эти простые, добрые люди, какой подают пример верности и доблести!

Один из лучших образов в «Капитанской дочке» — это Савельич, старый дядька Гринева. Этот тип верного, безгранично преданного слуги стоит во главе целой серии подобных ему образов в русской литературе: Евсеич из «Детства Багрова внука» Аксакова, Михеич, стремянный князя Серебряного, А. Толстого, Горкин из многих рассказов Шмелева. Такую же серию женских образов мы встречаем в литературе в лице Еремеевны из «Недоросля» Фонвизина, няни Пушкинской Татьяны, Натальи Савишны из «Детства и отрочества» Л. Толстого. Верность, беззаветная преданность и любовь к своему питомцу — общая черта этих чудных, неоценимых людей, готовых жертвовать всеми своими силами, здоровьем, а если нужно и жизнью, для своего питомца. Савельич просит Пугачева повесить его вместо Гринева: — «что тебе в смерти барского дитяти? Отпусти его». — «А для примера и страха ради вели повесить хоть меня, старика». Какое полное отсутствие эгоизма, полная самоотдача себя в любви к «барскому дитяти»...

Для Савельича Гринев, хотя и офицер, но все еще «дитя», отданное ему на попечение. «Дитя пьет и играет», — говорит он после злополучной встречи Гринева с Зуриным. «Дитя хочет жениться», восклицает он позднее, узнав о намерении Гринева жениться на Маше; ответственность за это «дитя», вверенное его попечению, он чувствует всю свою жизнь.

Другая черта, общая всем преданным слугам, — это щепетильно честное, чуть ли не священное отношение к «барскому добру», хранителем которого он является. Савельич едва не погубил Гринева, которого он же только что спас от петли, предъявляя Пугачеву список разграбленного у его барина добра, требуя возмещения его и упоминая даже о том заячьем тулупе, который Гринев подарил своему вожатому, будущему самозванцу, бунтовщику.

Но у Савельича есть и личные, собственные черты, делающие его образ особенно живым и реальным, это его ворчливость, суетливость, способность то впадать в «глубокую горесть», то в «неописанную радость». Перед нами живо и реально встает образ этого доброго, хлопотливого, преданного дядьки.

Швабрин — вполне отрицательный тип. Его образ менее удачен. Он изображен совершенным злодеем, без единой светлой черты.

В образе Пугачева есть некоторые несоответствия. Разбойник, бунтовщик, обманщик, на совести которого бесчисленные убийства, бесчисленные злодеяния, неожиданно проявляет великодушие по отношению к Гриневу, благодарно вспоминая пожалованный ему при их первой встрече заячий тулуп и стакан вина. Впрочем, это вполне вероятно, в душе злодея и преступника м о ж е т иногда проявиться какое-то светлое чувство. Очень хорошо отмечены черты ловкого, сметливого казака в Пугачеве, его находчивость. Пушкин, работая над своей «Историей Пугачевского бунта», воспользовался всем тем, из собранного материала, что помогло ему создать образ Пугачева, сохраняя некоторые личные его черты, выражения. Вспомним иносказательный, двусмысленный разговор вожатого Гринева с хозяином постоялого двора. Мы узнаем из «Истории Пугачевского бунта», что замысловатые иносказательные речи были действительно свойственны Пугачеву. Там же узнаем, что Пугачев иногда плакал во время допросов, перед казнью крестился, кланялся на все четыре стороны, прося прощения у «народа православного»; значит, действительно душа его не закаменела, не зачерствела в злодействе. Наружность его, повидимому, действительно бы-

ла поразительна. Уже когда перед казнью он находился в Москве, на Монетном дворе, в оковах, многие любопытные приходили посмотреть на «славного мятежника». Рассказывают, что многие женщины падали в обморок от его огненного «взора и голоса». В ответах на допросах он иногда проявлял своеобразное величие: «Богу было угодно наказать Россию через мое окаянство», — отвечал он на первом допросе в Яицком городке (Ист. Пугач. бунта, гл. 8-я). Мы видим, что образ Пугачева, созданный Пушкиным, вполне соответствует исторической действительности.

«Капитанская дочка» написана языком сжатым, — ни одного слова лишнего, — и необычайно художественно; особенно замечательны некоторые места: описание бурана, взятие Белогорской крепости, встреча Марьи Ивановны с императрицей Екатериной, когда несколькими чертами, но так живо нарисован образ императрицы. Язык «Капитанской дочки» можно назвать — классической прозой.

ДУБРОВСКИЙ

Из других прозаических произведений Пушкина упомянем «Дубровского» и «Пиковую даму».

«Дубровский» слегка романтическая повесть, очень интересная, написанная все тем же замечательным Пушкинским слогом, основана, повидимому, на действительном происшествии.

Богатый помещик Троекуров, обещая награду членам земского суда, совершенно противозаконно отбирает имение у Дубровского, своего соседа и бывшего приятеля, чтобы отомстить ему за мелочную обиду. Старик Дубровский, потрясенный потерей всего своего имущества и родового гнезда, умирает. Сын его, Владимир Дубровский, герой повести, доведенный до отчаяния этими событиями, поджигает свой дом, который больше ему не принадлежит, и делается атаманом шайки разбойников, бывших своих крестьян.

Во всей округе гремит имя страшного разбойника, который грабит и днем и ночью богатых помещиков, наводя всюду ужас. Местные власти никак не могут его поймать. В то же время описывается трогательная и романтическая история любви молодого разбойника к Маше Троекуровой, дочери его врага. Дубровский, под видом учителя, проникает в дом Троекурова, чтобы отомстит ему. Но, встретившись с его дочерью, Машей, Дубровский увлекается молодой красавицей, которая отвечает ему взаимностью. Когда отец против воли дочери решает выдать ее замуж за богатого старика, кн. Верейского, Маша обращается за помощью к Дубровскому и ждет его до последней минуты. Дубровский со своими разбойниками является и окружает карету молодых, когда они уже возвращаются из церкви после венчания. — "Вы свободны", говорит Дубровский Маше, но она отвечает, что теперь уже поздно, она обвенчана с кн. Верейским, и просит Дубровского оставить их. Таким образом, — в других выражениях, Маша повторяет слова Татьяны:

"— Я другому отдана, я буду век ему верна". В лице Троекурова Пушкин изображает богатого барина-самодура, который держит в страхе и трепете всю округу.

ПИКОВАЯ ДАМА

«Пиковая дама» написана в 1834 г. Это фантастический рассказ; действие происходит в Петербурге, среди высшего общества, в котором вращался сам Пушкин. Герой повести, Герман, во власти неудержимой, всепоглощающей страсти к деньгам и богатству.

Узнав, что старая графиня, бабушка одного из его приятелей, обладает тайной трех карт, которые доставили ей огромный выигрыш, он во что бы то ни стало хочет узнать эту тайну... Герман притворяется влюбленным в Лизу, бедную воспитанницу старой графини, и при ее содействии проникает ночью в спальню графини. Сперва он просит, умоляет старуху открыть ему тайну трех карт, затем уже требует и грозит пистолетом. Графиня от страшного испуга умирает. Но после похорон призрак ее является Герману и называет три карты, которые должны доставить ему богатство. Герман играет, два раза выигрывает, но на третий раз вместо туза, которого он назначил, в руках его появляется пиковая дама, — с лицом умершей графини. Герман все проигрывает и сходит с ума.

Пушкин сделал своего героя «обрусевшим немцем», т. к. некоторые черты его характера несвойственны обычно широкой русской натуре. Герман — честолюбив, расчетлив и бережлив; он обладает сильной волей: увлекаясь карточной игрой, он не позволяет себе играть, не желая рисковать своими деньгами, а только следит за игрой других, просиживая целые ночи за карточным столом. В то же время мы узнаем в лице Германа черты романтического героя; Томский, внук графини, описывая его Лизавете Ивановне, говорит, что Герман «лицо истинно романтическое: у него профиль Наполеона, а душа Мефистофеля». — «Я думаю, что на его совести по крайней мере три злодейства», прибавляет Томский. Герман действительно совершает злодейство. Он совершенно беспринципен и совести у него нет: жестоко обманув Лизу, убив, хоть и не желая того, старую графиню, он терзается не угрызениями совести, а только тем, что не сумел узнать тайны роковых карт.

Старая графиня изображена несколькими штрихами, главным образом в разговорах ее с бедной воспитанницей, с Томским; перед нами необыкновенно реально встает образ взбалмошной, капризной старухи, избалованной богатством и светской жизнью.

Нельзя не восхищаться искусством, с которым Пушкин необычайно кратко и сжато без всяких отступлений и длиннот ведет рассказ.

ЛИРИКА

Всякий поэт обычно в своих стихотворениях выражает свои сокровенные мысли и чувства, поэтому на лирику его ложится как-бы отпечаток, отражение его души.

Мы знаем, что жизнь Пушкина с самого детства и до трагической его смерти не была счастливой. Конечно, были и у него радости в жизни, были счастливые дни; были настоящие друзья, была любовь, была высокая радость творчества, но сколько пришлось ему испытать в жизни разочарований, горечи, одиночества, несправедливости, тревог и забот... И все же его творчество, вся его лирика, проникнуты светом и любовью жизни.

— «Печаль моя светла»... (46)

В этих простых, прекрасных словах выражен весь дух лирики Пушкина. Конечно, есть исключения, встречаются стихотворения, исполненные только горечью и разочарованием («Дар напрасный», «Три ключа»), но противоречия свойственны всякой человеческой натуре, а уж особенно многогранной душе поэта. Даже самые, казалось бы, грустные элегии Пушкина разрешаются примиряющим аккордом, не оставляя осадка горечи в душе.

В стихотворении «Брожу ли я вдоль улиц шумных» (Стансы, 1829 г.) поэт говорит, что его постоян-

---

46) "На холмах Грузии"... (1829 г.).

но преследуют мысли о смерти. И что же? Ни страха, ни мрачной горечи нет в этом стихотворении; оно заканчивается радостной картиной «младой жизни», играющей вокруг «гробового входа», — вечной красоты «равнодушной природы».

— «Безумных лет угасшее веселье
Мне тяжело, как смутное похмелье».
(1830 г.)

С каким тяжелым сердцем написана первая часть этой элегии, сколько в ней выражено горьких чувств:

«Мой путь уныл. Сулит мне труд и горе
Грядущего волнуемое море».

И вдруг сквозь темные тучи прорывается луч света, прорывается самое сокровенное души Пушкина

«Но не хочу, о други, умирать
Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать».

Одно стихотворение приведем здесь полностью, т. к. в нем больше, чем в каких-либо других выражается именно этот свет, присущий лирике Пушкина, оптимизм, вера в лучшее.

«Если жизнь тебя обманет,
Не печалься, не сердись!
В день уныния смирись:
День веселья, верь, настанет.

Сердце в будущем живет;
Настоящее уныло:
Все мгновенно, все пройдет;
Что пройдет, то будет мило».

Какое значение придавал Пушкин своему творческому дару, своему призванию поэта? Он выражает это во многих стихотворениях.

Рассмотрим, во-первых, известное стихотворение «Пророк» (1826 г.). Под пророком, здесь, конечно, подразумевается поэт, которому «шестикрылый Серафим» передает посланный ему свыше поэтический дар; поэт видит и слышит то, что скрыто от глаз и ушей обычных смертных, в его грудь вложен «угль, пылающий огнем»; Сам Бог взывает к нему, посылая его на проповедь:

«Восстань, Пророк, и виждь, и внемли,
Исполнись волею Моей,
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей».

Вот каково высокое призвание поэта! В те минуты, когда творческое вдохновение не осеняет его, когда «молчит его святая лира», поэт становится одним из самых обычных людей:

«И меж детей ничтожных мира
Быть может всех ничтожней он».

(«Поэт» 1827 г.)

Но как только вдохновение посещает его душу, как только

. . . . «божественный глагол
До слуха чуткого коснется,
Душа поэта встрепенется,
Как пробудившийся орел».

Тогда ему становятся невыносимы «людская молва», праздный шум мира; он ищет уединения, бежит от людей — «и звуков, и смятенья полн,» — для того, чтобы в одиночестве предаться охватившему его порыву творчества.

Простые смертные, «чернь», как их в своем величии поэта называет Пушкин, не могут понять его («Чернь», 1828 г.), он не слушает требований черни, которая хочет, чтобы он употребил свой чудный дар на общую п о л ь з у, тогда как н е для утилитарных земных целей, не для п о л ь з ы дается поэту творческий дар поэзии:

«Не для житейского волненья
Не для корысти, не для битв,
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуков сладких и молитв».

Поэт не должен дорожить «любовию народной» («Поэту», 1830 г.), не должен считаться с мнением черни, с одобрением или критикой «толпы холодной». «Ты царь, живи один», горделиво говорит Пушкин поэту; не требуй

. . . . . . «наград за подвиг благородный.
Они в самом тебе. Ты сам свой высший суд;
Всех строже оценить умеешь ты свой труд.
Ты им доволен ли, взыскательный художник?
Доволен? так пускай толпа его бранит»

(«Поэту»)

Больше всего в поэтическом творчестве Пушкин ценит свободу. Никто не должен и не может предъявлять поэту требований, искать п о л ь з ы от его произведений; для поэта нет закона.

«Зачем крутится ветр в овраге
Волнует степь и пыль несет,
Когда корабль в недвижной влаге
Его дыханья жадно ждет?
Зачем от гор и мимо башен
Летит орел, угрюм и страшен
На пень гнилой? — Спроси его!
Зачем арапа своего

Младая любит Дездемона,
Как месяц любит ночи мглу?
Затем, что ветру и орлу
И сердцу девы нет закона.
Гордись! Таков и ты поэт,
И для тебя закона нет».
(Родословная моего героя, строфа XI)

Об этой свободе творчества говорит Пушкин и в стихотворении «Из Пиндемонте» (1836 г.), и в стихотворении «Я памятник себе воздвиг нерукотворный» (1830 г.). Здесь, Пушкин, как и Державин, заимствовал мысль у Горация. Но тогда как Державин считает, что он воздвиг себе памятник тем, что «истину царям с улыбкой говорил», Пушкин говорит, что долго «тем любезен» будет он народу, что в свой «жестокий век восславил (он) свободу», а главное тем «что чувства добрые (он) лирой пробуждал». Да, это несомненно главная заслуга Пушкина: творчество его проникнуто светом и вызывает именно светлые, добрые чувства.

Правда не всегда... Мы уже выше сказали, что встречаются и противоречия тому, что было сказано. Среди лицейских стихотворений, среди того, что было написано Пушкиным в юности есть стихотворения, проникнутые задорным эпикурейским духом, цинизмом и хуже того; несмотря на то, что Пушкин всегда был верующим человеком, есть непочтительные по отношению к религии и даже кощунственные стихотворения. Как взрослый Пушкин страдал от этих ошибок своей юности! Как уже было сказано выше, в стихотворении «Воспоминание» (1828 г.) он говорит, что ночью, в долгие часы бессоницы «живей горят» в нем «змеи сердечной угрызенья». В одном письме Пушкин говорит, что часто ночью в темноте он краснеет, вспоминая то, что он написал и чего уже исправить не может.

Как страшно велика ответственность поэта, писателя перед людьми, перед потомством!

Но это лишь пятна на творчестве Пушкина, не затемняющие света и добра, которые он «пробуждал» своей лирой.

В лирике Пушкина встречается множество разнообразных тем: любовь, дружба, природа, патриотические чувства, стихотворения, вызванные мыслью, случайным впечатлением.

Больше всего лирических стихотворений навеяно любовью. Все эти стихотворения исполнены необыкновенной нежности и глубины чувства. — «Ты иль Вы» (1828 г.), — коротенькое стихотворение, в котором с таким изяществом передано мимолетное переживание влюбленного юноши. Такое же коротенькое, тонко отделаное стихотворение, посвященное Олениной (1828 г.): «Город пышный, город бедный»; «Дионея» (1821 г.) — очаровательная картинка, которой читатель любуется вместе с автором. Заметим здесь, что греческие имена в стихотворениях Пушкина являются как бы слабым отголоском эпохи классицизма...

«Я помню чудное мгновенье» (1825 г.), посвященное А. П. Керн; это «мимолетное виденье», этот «гений чистой красоты» вызывает в душе молодого поэта радостный восторг любви, в сердце его вновь воскресает «и божество, и вдохновенье, и жизнь, и слезы и любовь». Пушкин много любил в своей жизни; в дивном стихотворении «На холмах Грузии», которое уже было упомянуто выше, он говорит, что любит потому, что сердце его «не любить не может». Иногда мы встречаем выражения более сильных чувств, любви — страсти, как например в стихотворениях, посвященных Амалии Ризнич: «Простишь ли мне ревнивые мечты» (1823 г.), — «Для берегов отчизны дальней» (1830 г.).

Одно из лучших любовных стихотворений Пушкина, в котором выражается вся глубина, искренность и бескорыстность его чувств, это:

«Я вас любил; любовь еще, быть может,
В душе моей угасла не совсем;
Но пусть она вас больше не тревожит:
Я не хочу печалить вас ничем.
Я вас любил безмолвно, безнадежно,
То робостью, то ревностью томим;
Я вас любил так искренно, так нежно,
Как дай вам Бог любимой быть другим»

(1829 г.)

Удивительно это полное отсутствие эгоизма в бурной, горячей душе поэта, желающего, чтобы другой человек, который может быть полюбит любимую им женщину, любил бы ее так же «искренно, так нежно», как он сам. Опять-таки мы видим в этом проявление *света*, присущего всему творчеству Пушкина.

Многие стихотворения Пушкина посвящены его друзьям, вызваны горячим чувством дружбы. Сюда надо отнести все стихотворения, посвященные дню лицейской годовщины (19 октября). Мы видим, как Пушкин дорожил своими лицейскими товарищами, какое значение придавал этой дружбе:

«Друзья мои, прекрасен наш союз!
Он, как душа, неразделим и вечен»

(19-е октября 1825 г.)

Сюда же относятся «Послание в Сибирь», «Арион» (1827 г.), стихотворение Ив. Ив. Пущину, посетившему Пушкина в Михайловском: «Мой первый друг, мой друг бесценный» (1826 г.). Тем же чувством дружбы и любви проникнуты стихотворения, где поэт

обращается к своей няне: «Зимний вечер» (1825 г.), «К няне» («Подруга дней моих суровых»).

Многие лирические стихотворения написаны под влиянием мимолетного впечатления, мысли, переживания или поэтической фантазии. Так,например, засохший цветок, найденный случайно в книге, заставляет Пушкина мгновенно задуматься, и в его поэтическом воображении рождается прелестное стихотворение:

«Цветок засохший, безуханный,
Забытый в книге вижу я...»

(Цветок, 1828 г.)

Поездка в санях во время метели рождает фантастическую картину «Бесы» (1830 г.). Услышав народное предание об утопленнике, который мстит мужику, не захотевшему его похоронить, Пушкин передает его с необычайным реализмом, но в поэтической форме («Утопленник», 1828 г.). В стихотворении «Телега жизни» (1823 г.) Пушкин передает в аллегорической форме свои размышления о неизбежно уходящем времени, об отношении к жизни в юности, зрелом возрасте и старости. Нет возможности перечислить и разобрать здесь такие разнообразные и богатые по содержанию стихотворения Пушкинской лирики. Приходится ограничиваться кратким, неполным обзором.

Описание природы в разные времена года встречается во многих произведениях Пушкина, больше всего в «Евгении Онегине», где можно найти и весну (гл. 7, I), и осень (гл. 4, XL, XLI) и зиму (гл. 5, I, II; гл. 7, XXIX, XXX) в таком ярком, поэтическом и вместе с тем реальном изображении. Зиме посвящены еще два стихотворения: «Зимнее утро» (1829 г.); «Мо-

роз и солнце, день чудесный» (1829 г.). Почти ничего не сказано о лете, Пушкин не любил лета:

«Ох, лето красное, любил бы я тебя,
когда б не зной да пыль, да комары, да мухи.
Ты, все душевные способности губя,
Нас мучишь» . . . . . . говорит Пушкин в замечательном отрывке «Осень» (1830 г.), написанном в Болдине осенью, в тот короткий период, когда, отрезанный от внешнего мира карантином, Пушкин оказался как бы в заключении и был охвачен нахлынувшим на него творческим вдохновением; за три недели он написал больше, чем за несколько месяцев. Осень была его любимым временем года, именно осенью оживали его творческие силы:

«Унылая пора, очей очарованье,
Приятна мне твоя прощальная краса —
Люблю я пышное природы увяданье,
В багрец и в золото одетые леса,
В их сенях ветра шум и свежее дыханье,
И мглой волнистою покрыты небеса
И редкий солнца луч, и первые морозы,
И отдаленные седой зимы угрозы

«И с каждой осенью я расцветаю вновь»...
. . . .
. . . . . «я снова счастлив, молод,
Я снова жизни полн».

В этом замечательном стихотворении Пушкин раскрывает тайну своих творческих переживаний, волнение и радость вдохновения. Он один вечером, перед догорающим камином:

(X) «И забываю мир, и в сладкой тишине
Я сладко усыплен моим воображеньем,

И пробуждается поэзия во мне:
Душа стесняется лирическим волненьем,
Трепещет и звучит, и ищет, как во сне,
Излиться, наконец, свободным проявленьем —
И тут ко мне идет незримый рой гостей,
Знакомцы давние, плоды мечты моей.

(XI) «И мысли в голове волнуются в отваге,
И рифмы легкие навстречу им бегут,
И пальцы просятся к перу, перо к бумаге,
Минута — и стихи свободно потекут»...

Как передано это волненье, смятенье нахлынувшего вдохновения и с ч а с т ь я поэтического творчества!

Кавказ, дикая красота горной природы отразились во многих лирических стихотворениях Пушкина («На холмах Грузии», «Кавказ» 1829 г., «Обвал» 1829 г., «Монастырь на Казбеке» 1829 г.). Красота и сила природы в разных ее проявлениях рождает отклик в душе поэта, по разному отражается в его мыслях, настроениях. То мирная картина холмов Грузии, окутанных ночной мглой проникает в душу поэта:

...«Печаль моя светла»...

то в мощной картине Кавказских гор («Кавказ»), снежного обвала («Обвал») Пушкин передает стихийную, первобытную красоту природы, возвышающую душу.

Во время своего путешествия в Арзрум Пушкин обратил внимание на монастырь, скрывающийся за облаками высоко на Казбеке. Этот монастырь видно особенно поразил Пушкина; описав его сначала прозой, он посвятил ему прекрасное стихотворение («Монастырь на Казбеке):

«Высоко над семьею гор,
Казбек, твой царственный шатер

Сияет вечными лучами.
Твой монастырь за облаками,
Как в небе реющий ковчег,
Парит, чуть виден над горами.

Далекий, вожделенный брег!
Туда б, сказав прости ущелью,
Подняться к вольной вышине;
Туда б, в заоблачную келью,
В соседство Бога скрыться мне!»

Видно, что вслед за взорами и вся душа поэта поднимается ввысь, к этому «далекому, вожделенному убежищу в заоблачную келью», в которой ему хотелось бы скрыться «в соседство Бога».

Пушкин редко говорит в стихах о своих религиозных верованиях. Тем не менее, во всем его творчестве чувствуется несомненная религиозная устремленность. Уже сказано было выше, что эпикурейские легкомысленные и даже кощунственные стихи Пушкина, написанные в молодости, в период брожения и вольнодумства, никак не составляют сущности его зрелого мировоззрения, выражающегося в стихах последнего периода его жизни. Об этом свидетельствуют такие стихотворения, как «Мирская власть» (1836 г.) и особенно «Отцы пустынники и жены непорочны» (1836 г.), где он с таким глубоким чувством умиления передает молитву Ефрема Сирина: «Господи и Владыко живота моего»:

«Отцы пустынники и жены непорочны.
Чтоб сердцем возлетать во области заочны,
Чтоб укреплять его средь дольних бурь и битв,
Сложили множество божественных молитв.
Но ни одна из них меня не умиляет,
Как та, которую священник повторяет
Во дни печальные Великого поста;

Всех чаще мне она приходит на уста
И падшего крепит неведомою силой:
Владыко дней моих! дух праздности унылой,
Любоначалия, змеи сокрытой сей,
И празднословия не дай душе моей —
Но дай мне зреть мои, о Боже, прегрешенья,
Да брат мой от меня не примет осужденья,
И дух смирения, терпения, любви
И целомудрия мне в сердце оживи».

С каким проникновенным, глубоким чувством умиления и благоговения написано это стихотворение!

Мы не имеем возможности разобрать здесь подробно всю лирику Пушкина, одну из самых богатых по содержанию, разнообразию, мыслям, чувствам, высказанным в разных стихотворениях.

Закончим этот краткий, неполный обзор лирики Пушкина словами нашего известного критика Белинского: «Есть всегда что-то особенно благородное, кроткое, нежное, грациозное и благоуханное во всяком чувстве Пушкина. Читая его творения, можно воспитать в себе человека».

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.
ПРЕДИСЛОВИЕ 7
БИОГРАФИЯ ПУШКИНА 9

ТВОРЧЕСТВО ПУШКИНА.

РУСЛАН и ЛЮДМИЛА 44
БАЙРОНИЧЕСКИЕ ПОЭМЫ.
Кавказский пленник 49
Бахчисарайский Фонтан 50
Цыганы 52
ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН 56
ПОЛТАВА 86
МЕДНЫЙ ВСАДНИК 96
БОРИС ГОДУНОВ 102
ДРАМАТИЧЕСКИЕ СЦЕНЫ.
Скупой Рыцарь 116
Моцарт и Сальери 120
Сцена из Фауста 122
Каменный гость 122
Пир во время чумы 123
ПРОЗАИЧЕСКIЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ.
История села Горюхина 124
Повести Белкина 125
КАПИТАНСКАЯ ДОЧКА 127
Дубровский 136
Пиковая дама 137
ЛИРИКА 139

IMP. BÉRESNIAK - PARIS